

Генрик
Ибсен

Annotation

В этом странном доме мало солнца. Жизнь здесь тянется медленно, а его обитателям остается только мечтать. Их тесный мирок рушится...

Смогут ли они спасти себя, как спасли когда-то раненую птицу?..
Сможет ли кто-нибудь их спасти?

- [Генрик Ибсен](#)
 - [ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Генрик Ибсен

Дикая утка

Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Верле, крупный коммерсант, фабрикант и т. д.
Греггерс Верле, его сын.
Старик Экдал.
Ялмар Экдал, сын старика, фотограф.
Гина Экдал, жена Ялмара.
Хедвиг, их дочь, четырнадцать лет.
Фру Берта Сербю, заведующая хозяйством у Верле.
Реллинг, врач.
Молвик, бывший богослов.
Гроберг, бухгалтер.
Петтерсен, слуга Верле.
Йенсен, наемный лакей.
Рыхлый и бледный господин.
Плешивый господин.
Близорукий господин.
Шестеро прочих господ, гостей Верле.
Несколько наемных лакеев.

Первое действие происходит у коммерсанта Верле, четыре следующих у фотографа Экдала.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В доме Верле. Роскошно и комфортабельно обставленный кабинет: шкафы с книгами, мягкая мебель, посреди комнаты письменный стол с бумагами и конторскими книгами, на лампах зеленые абажуры, смягчающие свет. В средней стене открытые настежь двери с раздвинутыми портьерами. Через двери видна большая, изящно обставленная комната, ярко освещенная лампами и бра. Впереди направо, в кабинете, оклеенная обоями маленькая дверь, ведущая в контору.

Впереди налево камин, в котором пылают уголья, а подалее, в глубине, двустворчатые двери в столовую. Слуга коммерсанта Петтерсен, в ливрее, и наемный лакей Йенсен, в черном фраке, прибирают кабинет. Во второй большой комнате видны еще двое-трое наемных лакеев, которые также прибирают, зажигают огни. Из столовой доносится шумный говор и смех многочисленного общества, затем слышится звяканье ножа о стакан. Наступает тишина; кто-то провозглашает тост, раздаются крики: «Браво!» и снова шум и говор.

Петтерсен (зажигая лампу на камине и надевая абажур). Нет, послушайте-ка, Йенсен, как старик-то наш распинается за здоровье фру Сербю.

Йенсен (выдвигая вперед кресло). Правду ль говорят люди, будто промеж них есть кое-что?

Петтерсен. Сам черт их не разберет.

Йенсен. Он таки мастер на эти дела был в свое время.

Петтерсен. Да, пожалуй.

Йенсен. Говорят, в честь сына дают обед.

Петтерсен. Да, вчера приехал.

Йенсен. А я и не слыхал, что у коммерсанта Верле есть сын.

Петтерсен. Как же, есть. Только он постоянно живет на заводе в Горной долине. В город-то он не наведывался уж сколько лет – пока я живу тут в доме.

Другой наемный лакей (в дверях второй комнаты). Послушайте, Петтерсен, тут старичок один...

Петтерсен (ворчит). А, черт их носит в такое время!

Старик Экдал показывается справа. Он в потертом пальтишке с поднятым воротником, в шерстяных варежках, в руках палка и меховая

шапка, под мышкой пакет в оберточной бумаге. Темно-рыжий грязноватый парик и короткие седые усы. (*Идя к нему.*) Господи... вам-то чего тут понадобилось?

Экдал (*в дверях*). В контору нужно, Петтерсен, необходимо.

Петтерсен. Контора уж с час как закрыта и...

Экдал. Об этом я слыхал еще у ворот, старина. Но Гроберг еще сидит там. Уж, пожалуйста, Петтерсен, пропусти меня тут. (*Показывает на маленькую дверь.*) Уже хаживал этой дорогой.

Петтерсен. Ну, уж проходите. (*Открывает дверь.*) Только запомните: назад извольте настоящим ходом. У нас гости.

Экдал. Знаю, знаю... гм! Спасибо, старина! Спасибо, дружище! (*Бормочет тихонько.*) Болван! (*Уходит в контору.*) Петтерсен затворяет за ним дверь.

Йенсен. И этот разве из конторских?

Петтерсен. Нет, так, переписывает кой-что, когда понадобится. А в свое время он, старый Экдал, тоже хват был.

Йенсен. Оно и видно, что не из простых.

Петтерсен. Н-да. Лейтенант был, представьте себе!

Йенсен. Ах, черт! Лейтенант?

Петтерсен. Уж это так. Да затеял торговать лесом или чем-то таким.

Сказывают, он с нашим-то коммерсантом скверную штуку сыграл. Завод в Горной долине был прежде их общий, понимаете? Я его хорошо знаю, старика-то. Нет, нет, да и пропустим с ним по рюмочке горькой или разопьем по бутылочке баварского в заведение у мадам Эриксен.

Йенсен. Ну, кажись, ему-то не из чего угощать.

Петтерсен. Господи, да вы же понимаете, не он меня, а я его угощаю!

По-моему, следует уважить благородного человека, с которым стряслась такая беда.

Йенсен. Он, что же, обанкротился?

Петтерсен. Нет, похуже того. Он ведь в крепости отсидел.

Йенсен. В крепости?

Петтерсен. Или в тюрьме. (*Прислушиваясь.*) Тсс! Встают из-за стола.

Двери из столовой распахиваются изнутри двумя лакеями. Первой выходит фру Сербю, беседуя с двумя господами. За ними понемногу выходят остальные, в том числе и сам Верле. Последними идут Ялмар Экдал и Греггерс Верле.

Фру Сербю (*мимоходом*). Петтерсен, кофе подадите в концертную

залу.

Петтерсен. Слушаю, фру Сербю.

Фру Сербю с двумя собеседниками проходят во вторую комнату и там сворачивают направо. За ними следуют Петтерсен и Йенсен.

Рыхлый и бледный господин (*плешивому*). Уф!.. Вот так обед!.. Задали работу!

Плешивый. О, просто невероятно, что можно сделать при добром желании в каких-нибудь три часа.

Рыхлый. Да, но после, но после, милейший камергер!..

Третий господин. Говорят, кофе и мараскин подадут в концертную залу.

Рыхлый. Браво! Так, может быть, фру Сербю нам что-нибудь сыграет?

Плешивый (*вполголоса*). Как бы она вскоре не сыграла с нами какой-нибудь шулки.

Рыхлый. Не-ет, Берта не бросит своих старых друзей!

Смеясь, оба проходят в другую комнату.

Верле (*вполголоса, озабоченно*). Надеюсь, никто не заметил, Греггерс?

Греггерс (*глядит на него*). Чего?

Верле. И ты не заметил?

Греггерс. А что было замечать?

Верле. Нас сидело за столом тринадцать.

Греггерс. Вот как? Тринадцать?

Верле (*взглянув на Ялмара Экдала*). Вообще-то мы ведь привыкли всегда рассчитывать на двенадцать персон... (*Остальным гостям.*) Прошу вас, господа. (*Уходит с остальными гостями, исключая Греггерса и Ялмара Экдала, во вторую комнату направо.*) Ялмар (*слышавший разговор*). Не следовало бы тебе присылать мне приглашение, Греггерс.

Греггерс. Еще что! Гостей ведь, говорят, сзывали ради меня, а я бы не позвал своего лучшего, единственного друга?..

Ялмар. Да, но отцу твоему это, кажется, не понравилось. Я вообще ведь не бываю здесь в доме.

Греггерс. Да, да, я слышал. Но надо же мне было повидаться с тобой, поговорить. Я, верно, скоро опять уеду... Да, мы с тобой старые товарищи, однокашники, а вот как разошлись наши пути. Лет шестнадцать-семнадцать не видались.

Ялмар. Разве столько?

Греггерс. Конечно. Ну, как же тебе живется? На вид хорошо. Ты почти

раздобрел, таким солидным стал.

Ялмар. Гм, положим, солидным меня вряд ли можно назвать, но, разумеется, я несколько возмужал с тех пор.

Грегерс. Да, да. Наружность твоя не пострадала.

Ялмар (*несколько мрачно*). Зато внутри какво! Там, поверь, совсем иное!

Ты ведь знаешь, какое ужасное несчастье разразилось над нами за то время, что мы с тобой не видались.

Грегерс (*понижив голос*). Что отец твой теперь?

Ялмар. Не будем говорить об этом, дорогой мой. Мой бедный, несчастный отец, конечно, живет у меня. Больше у него ведь и нет никого на свете, у кого он мог бы жить. Но, знаешь, мне невыносимо тяжело говорить об этом.

Расскажи лучше, как тебе жилось там, на заводе. Грегерс. Чудесно, – полное уединение, можно было вволю думать и размышлять о многом и многом... Иди сюда, устроимся поуютнее. (*Садится в кресло у камина и усаживает Ялмара в другое рядом.*)

Ялмар (*растроганно*). Тебе, во всяком случае, спасибо, Грегерс, за то, что ты пригласил меня отведать хлеба-соли у твоего отца. Теперь я вижу, что ты ничего больше не имеешь против меня.

Грегерс (*с удивлением*). Откуда ты взял, что я имел против тебя что-нибудь?

Ялмар. Ну, в первое время все-таки имел.

Грегерс. В какое первое время?

Ялмар. После того крупного несчастья. Оно и понятно... с твоей стороны.

Ведь и твоего отца чуть-чуть не втянули тогда в... во все эти ужасные истории.

Грегерс. Так поэтому я должен был сердиться на тебя? Кто тебе вбил это в голову?

Ялмар. Да уж я знаю, Грегерс. Твой отец сам мне говорил.

Грегерс (*пораженный*). Отец! Вот что! Гм... Так это потому ты с тех пор ни разу и не дал мне знать о себе... ни единым словом?

Ялмар. Да.

Грегерс. Даже когда решил стать фотографом?

Ялмар. Отец твой говорил, что лучше не писать тебе ни о чем.

Грегерс (*глядя перед собой в пространство*). Да, да, пожалуй, он был прав... Но скажи мне теперь, Ялмар... доволен ли ты своим положением?

Ялмар (*слегка вздохнув*). Да-а, в сущности, не могу пожаловаться.

Сначала-то, как можешь догадаться, мне немножко было не по себе. Совсем ведь в иные условия жизни попал. Да и вообще все пошло по-иному. Это крупное несчастье с отцом, разорение... стыд и позор, Грегерс...

Грегерс (*содрогаясь*). Да-да, да-да.

Ялмар. Нечего было и думать продолжать образование. У нас ни гроша не осталось. Напротив. Даже еще долги обнаружались. Главным образом твоему отцу, кажется...

Грегерс. Гм...

Ялмар. Ну, я и рассудил, знаешь, что лучше всего разом порвать со всеми старыми связями и отношениями. Это особенно советовал мне твой отец. А так как он выказал такую готовность поддержать меня...

Грегерс. Отец?

Ялмар. Да, ты же знаешь. А то откуда бы мне было взять денег, чтобы изучить дело и открыть фотографию? Это ведь недешево стоит.

Грегерс. И на все это дал денег отец?

Ялмар. Ну да, мой милый. Или ты не знаешь? Я так его понял, что он обо всем писал тебе.

Грегерс. Ни единого слова о том, что это он все устроил. Забыл, должно быть. Мы с ним вообще обменивались только чисто деловыми письмами. Так, значит, это отец все!..

Ялмар. Конечно; он только не хотел, чтобы люди об этом знали. Но это был **он**. Он дал мне возможность и жениться. Или... ты и этого не знал?

Грегерс. Нет, и этого не знал. (*Потренив его по плечу.*) Дорогой Ялмар, я не могу тебе высказать, как все это меня радует... и мучит. Пожалуй, все-таки я был несправедлив к отцу... в некоторых отношениях. Выходит, что у него есть сердце. Словно, видна совесть...

Ялмар. Совесть?!..

Грегерс. Ну да, назови, как хочешь. Нет, право, я даже слов не нахожу выразить, как меня радует все, что ты сейчас рассказал мне об отце... Так ты женат, Ялмар. Это больше, чем мне когда-нибудь удастся достигнуть. Ну, надеюсь, ты счастлив в браке?

Ялмар. И еще как! Такая славная, дельная женщина, что лучше и желать нельзя. И не то чтобы уж совсем необразованная.

Грегерс (*несколько удивленно*). Ну, конечно.

Ялмар. Знаешь, сама жизнь воспитывает. Ежедневное общение со мной... И еще у нас бывает кое-кто – люди даровитые... Право, ты бы и не узнал теперь Гину.

Грегерс. Гину?

Ялмар. Да, милый мой, или ты забыл, что ее зовут Гиной?

Грегерс. Кто, кого зовут Гиной? Я ведь и не знаю вовсе...

Ялмар. Неужто ты не помнишь, что она одно время служила здесь в доме?

Грегерс (*глядя на него*). Так это Гина Хансен?..

Ялмар. Разумеется, Гина Хансен.

Грегерс. Которая вела здесь хозяйство последний год, когда мать слегла?

Ялмар. Вот, вот. Но, дорогой друг, я же знаю наверное, что отец твой писал тебе о моей женитьбе.

Грегерс (*встав с кресла*). Да, писал... но не написал, что... (*Ходит по комнате.*) Постой... может быть, все-таки... если припомню хорошенько... Отец ведь пишет всегда мне так кратко. (*Присаживается на ручку кресла.*) Слушай, Ялмар, скажи... это так интересно... скажи, как ты познакомился с Гиной... с твоей женой?

Ялмар. Да очень просто. Гина недолго оставалась у вас в доме. Очень уж трудно, хлопотливо было. Мать твоя слегла... Ну, Гине не под силу стало справляться, она и отказалась. Это было за год до смерти твоей матери... или в тот же год...

Грегерс. В тот же. А я был тогда уже на заводе. Ну, потом?

Ялмар. Потом Гина жила со своей матерью, мадам Хансен. Тоже дельная была, работающая женщина. Она держала маленькую столовую да одну комнатку сдавала внаймы. Славная такая была комнатка, чистая, уютная.

Грегерс. И тебе, пожалуй, как раз посчастливилось снять эту комнатку?

Ялмар. Да-а; это опять твой отец указал мне. Ну и вот... видишь ли... тогда-то я, собственно, и познакомился с Гиной.

Грегерс. И посватался к ней?

Ялмар. Да. Молодым людям долго ли влюбиться?.. Гм...

Грегерс (*встает и прохаживается*). Скажи мне... когда ты посватался... не тогда ли отец и дал тебе... то есть я хочу спросить – ты тогда и начал изучать фотографирование?

Ялмар. Вот, вот. Мне ведь очень хотелось устроиться, чем скорее, тем лучше. И мы оба с твоим отцом решили, что вернее и легче всего мне взяться за это дело. Гина тоже была согласна. Тут, видишь ли, присоединилось еще одно обстоятельство, такое счастливое совпадение, что Гина умела ретушировать...

Грегерс. Удивительно удачно все складывалось!

Ялмар (*вставая с довольным видом*). Не правда ли? Удивительно

удачно!

Грегерс. Да, признаюсь. Отец сыграл для тебя роль как бы провидения. Ялмар (*растроганный*). Он не покинул сына своего старого друга в час нужды. Сердечный человек твой отец.

Фру Сербю (*выходит из другой комнаты под руку с Верле*). Без разговоров, милейший коммерсант. Нечего вам там расхаживать да глядеть на огни, вам это вредно.

Верле (*выпуская ее руку и проводя рукой по глазам*). Да, пожалуй, вы правы.

Петтерсен и Йенсен входят с подносами.

Фру Сербю (*обращаясь к гостям во вторую комнату*). Прошу вас, господа! Кто желает стакан пунша, пусть потрудится пожаловать сюда!

Рыхлый господин (*подходя к ней*). Но, бог мой, правда ли, что вы упразднили благословенную свободу курения?

Фру Сербю. Да, здесь, в апартаментах коммерсанта, курить воспрещается, господин камергер.

Плешивый господин. Когда это вы включили столь суровые ограничения в закон о курении, фру Сербю?

Фру Сербю. С прошлого обеда, господин камергер. Некоторые позволили себе преступить границы.

Плешивый господин. А разве это отнюдь не дозволяется – чуточку преступать границы, фру Берта? В самом деле отнюдь?..

Фру Сербю. Отнюдь, камергер Балле. Ни в каком смысле.

Большая часть гостей собралась в кабинете; слуги обносят их пуншем.

Верле (*Ялмару, стоящему у стола*). Что это вы тут штудируете, Ялмар?

Ялмар. Просто альбом, господин Верле.

Плешивый господин (*бродя по комнате*). А, фотографии! Это как раз по вашей части!

Рыхлый господин (*в кресле*). Вы не захватили с собой чего-нибудь из своих работ?

Ялмар. Нет, ничего.

Рыхлый господин. Следовало бы. Для пищеварения хорошо посидеть так, поглядеть картинки.

Плешивый господин. Тут и тема для разговоров всегда подвернется.

Близорукий господин. А всякая лепта принимается с благодарностью.

Фру Сербю. Камергеры полагают, что если кого приглашают на обед,

тот должен постараться отработать за хлеб-соль, господин Экдал.

Рыхлый господин. В доме, где так хорошо кормят, это – наслаждение!

Плешивый господин. Боже мой! Когда дело идет о борьбе за существование, то...

Фру Сербю. Вы правы!

Продолжают разговор, пересыпаемый смехом и шутками.

Греггерс (*тихо*). Прими же участие в разговоре, Ялмар.

Ялмар (*пожимаясь*). О чем мне говорить?

Рыхлый господин. По-вашему, господин Верле, следует считать токайское до известной степени полезным для желудка?

Верле (*у камина*). За токайское, которое вы сегодня пили, во всяком случае, смею поручиться. Один из самых удачных выпусков. Да вы, кажется, и оценили?

Рыхлый господин. Да, удивительно тонкое.

Ялмар (*неуверенно*). А разве вино выпускается не всегда одинаковое?

Рыхлый господин (*смеясь*). Нет, вы бесподобны!

Верле (*улыбаясь*). Таких знатоков не стоит и угощать тонкими винами.

Плешивый господин. Токайское, как ваши фотографии, господин Экдал, нуждается в солнце. Для фотографий ведь необходим солнечный свет, не так ли?

Ялмар. Да, свет, конечно, много значит.

Фру Сербю. С фотографиями дело обстоит совершенно так же, как с камергерями. Им тоже, говорят, ужасно необходимо «солнце».

Плешивый господин. Фи, фи! Избитая острота!

Близорукий господин. Барыня прохаживается...

Рыхлый господин. Да еще на наш счет! (*Грозит ей.*) Фру Берта, фру Берта!

Фру Сербю. Да, но ведь это суцая правда, что выпуски могут сильно розниться. Старейшие – самые лучшие.

Близорукий господин. Меня вы к старым причисляете?

Фру Сербю. Ну нет.

Плешивый господин. Вот как! А меня, милейшая фру Сербю?..

Рыхлый господин. А меня? К какому выпуску нас причислите?

Фру Сербю. Вас, господа, я причислю к сладким выпускам. (*Отпивает из стакана с пуншем.*)

Камергеры смеются и шутят с ней.

Верле. Фру Сербю всегда сумеет вывернуться, если захочет. Не

давайте же стаканам застаиваться, господа!.. Петтерсен, посматривайте! Грегерс, нам с тобой надо бы чокнуться.

Грегерс не шевелится.

И с вами тоже, Экдал. За столом как-то не пришлось. Из маленькой двери выглядывает бухгалтер Гроберг.

Гроберг. Извините, господин Верле, но я не могу выбраться.

Верле. Что же, вас опять заперли?

Гроберг. Да, и Флакстад ушел с ключами.

Верле. Так проходите.

Гроберг. Но тут еще есть один...

Верле. Проходите, проходите оба, не стесняйтесь.

Гроберг и старик Экдал выходят из конторы. У Верле невольно вырывается досадливый возглас. Смех и говор гостей смолкают. Ялмара передергивает при виде отца, он поспешно ставит стакан на стол и поворачивается лицом к камину.

Экдал (проходит, не поднимая глаз, отрывисто кивая на обе стороны и бормоча). Прощу извинения. Не туда попал. Ворота заперты... ворота заперты. Прощу извинения! (Уходит вслед за Гробергом во вторую комнату направо.)

Верле (сквозь зубы). Дернуло этого Гроберга!..

Грегерс (уставившийся с открытым ртом на Ялмара). Да не может быть!..

Рыхлый господин. Что такое? Кто это был?

Грегерс. Никто. Просто бухгалтер и еще человек.

Близорукий господин (Ялмару). Вам он знаком?

Ялмар. Не знаю... не обратил внимания...

Рыхлый господин (встает). Да что же случилось, черт возьми? (Подходит к группе других гостей, беседующих вполголоса.)

Фру Сербю (шепчет Петтерсену). Суньте ему там что-нибудь получше.

Петтерсен (кивая). Слушаю. (Уходит.)

Грегерс (тихо, взволнованно Ялмару). Так это был он?

Ялмар. Да.

Грегерс. И ты сказал, что не знаешь его?

Ялмар (с горячностью, шепотом). Да как же я *мог!*..

Грегерс...Признать своего отца?

Ялмар (*горестно*). Ах, побывал бы ты на моем месте!

Перешептывание и тихий говор между гостями сменяются вдруг деланно громким разговором.

Плешивый господин (*приближаясь к Грегерсу и Ялмару, дружеским тоном*). А! Обновляете старые воспоминания из времен студенчества? Что?.. Вы курите, господин Экдал? Хотите огоньку? Ах да, ведь тут нельзя...

Ялмар. Благодарю, я не...

Рыхлый господин. Не почитаете ли вы нам какие-нибудь хорошенькие стишки, господин Экдал. Прежде, я помню, вы премило декламировали.

Ялмар. К сожалению, теперь ничего не припомню.

Рыхлый господин. Жаль, очень жаль. Ну, так что же бы нам придумать, Балле?

Оба прохаживаются по кабинету, потом направляются во вторую комнату.

Ялмар (*мрачно*). Грегерс... я уйду! Тот, над чьей головой разразился сокрушающий удар судьбы, видишь ли... Передай мой поклон твоему отцу.

Грегерс. Хорошо. Ты прямо домой?

Ялмар. Да. А что?

Грегерс. Я, может быть, загляну к тебе потом.

Ялмар. Нет, не надо. Ко мне не надо. Невесел угол мой, Грегерс... особенно после такого блестящего пиршества... Мы всегда можем повидаться где-нибудь в другом месте.

Фру Сербю (*подходя, вполголоса*). Вы уходите, Экдал?

Ялмар. Да.

Фру Сербю. Кланяйтесь Гине.

Ялмар. Благодарю.

Фру Сербю. И скажите, что я как-нибудь на днях загляну к ней.

Ялмар. Благодарю. (*Грегерсу.*) Не провожай меня. Я хочу уйти незаметно.

(Медленно, словно прохаживаясь, направляется во вторую комнату и уходит направо.)

Фру Сербю (*тихо Петтерсену, который вернулся*). Ну, дали что-нибудь старику?

Петтерсен. Как же. Сунул ему в карман бутылку коньяку.

Фру Сербю. Не нашли ничего получше.

Петтерсен. Он лучше-то ничего и не знает, фру Сербю.

Рыхлый господин (*в дверях, с нотами в руках*). Не сыграем ли мы с вами в четыре руки, фру Сербю?

Фру Сербю. Хорошо, пойдете.

Гости. Браво, браво!

Фру Сербю и все гости уходят во вторую комнату направо. Грегерс остается у камина. Верле ищет что-то на письменном столе, по-видимому, выжидая, чтобы Грегерс ушел, но последний не шевелится, и Верле сам направляется к дверям.

Грегерс. Отец, нельзя ли уделить мне минутку?

Верле (*останавливаясь*). Что тебе?

Грегерс. Мне надо сказать тебе пару слов.

Верле. Нельзя ли отложить, пока мы останемся одни?

Грегерс. Нет, нельзя. Может быть, выйдет так, что нам с тобой и не придется больше остаться одним.

Верле (*подходя ближе*). Что это значит?

В течение следующей беседы из залы глухо доносятся звуки фортепиано.

Грегерс. Как можно было дать этой семье так опуститься!

Верле. Ты, вероятно, говоришь о семье Экдала, насколько я понимаю.

Грегерс. Именно. Лейтенант Экдал когда-то был очень близок с тобой.

Верле. К сожалению, слишком даже близок. И мне годами пришлось расплачиваться за это. Ему я обязан, что на мое доброе имя легло что-то вроде пятна.

Грегерс (*тихо*). А он действительно был один виноват?

Верле. Кто же еще, по-твоему?

Грегерс. Но вы ведь затеяли эту скупку лесов сообща...

Верле. Да, но разве не Экдал снимал планы участков... неверные планы? Это он затеял незаконную порубку на казенной земле. Это он же и заведовал всем делом. Я был в стороне и даже не ведал, что там творил лейтенант Экдал.

Грегерс. Лейтенант Экдал и сам-то, верно, не ведал, что творил.

Верле. Может статья. Но факт тот, что он был осужден, а я оправдан.

Грегерс. Знаю, что улик против тебя не оказалось.

Верле. Оправдан – значит оправдан. Но с чего ты вздумал копаться в этих старых дрязгах, от которых я поседел раньше времени? Пожалуй, вот о чем ты размышлял все эти годы на заводе? Могу тебя заверить, Грегерс, у нас в городе все эти истории давным-давно забыты... поскольку они касались меня.

Грегерс. А несчастная семья Экдала?..

Верле. Да что же, по-твоему, следовало мне сделать для них? Когда Экдал вышел на свободу, он был уже человек сломленный, совершенно беспомощный. Есть такие, люди, которые сразу идут ко дну, как только им попадет пара дробинок в тело, и никогда уж не всплывают больше наверх. Поверь моему слову, Грегерс, для старика Экдала я сделал все, что только позволяли обстоятельства... что мог сделать, не давая пищи разным подозрениям и пересудам...

Грегерс. Подозрениям?.. Ну да, разумеется.

Верле. Я велел давать старику переписку из конторы и плачу ему куда дороже, чем стоит его работа...

Грегерс (*не глядя на отца*). Гм... в этом я не сомневаюсь.

Верле. Ты смеешься? Пожалуй, не веришь моим словам? По книгам, разумеется, этого проверить нельзя, таких расходов я никогда не заносу.

Грегерс (*с холодной усмешкой*). Н-да, пожалуй, бывают расходы такого рода, что самое лучшее их не заносить.

Верле (*пораженный*). К чему ты это клонишь?

Грегерс (*собравшись с духом*). Ты занес в книги расход по обучению Ялмара Экдала фотографированию?

Верле. Я? Занес ли?

Грегерс. Я теперь знаю, что ты взял этот расход на себя. И знаю также, что ты не поскупился дать молодому Экдалу возможность завести дело, устроиться.

Верле. Вот видишь, а еще говорят, что я ничего не сделал для Экдала! Могу тебя заверить, эти люди стоили мне порядочно.

Грегерс. А ты занес в книги хоть некоторые из этих расходов?

Верле. К чему ты задаешь такие вопросы?

Грегерс. О, на то есть свои причины. Слушай, скажи мне... твое горячее участие к сыну твоего старого друга... началось как раз с того времени, когда он вздумал жениться?

Верле. Какого черта!.. Где мне помнить это через столько лет?..

Грегерс. Ты мне писал тогда, – чисто деловое письмо, разумеется, – и в приписке вкратце упомянул, что Ялмар Экдал женился на фрекен Хансен.

Верле. Ну да, ее так и звали.

Грегерс. Но ты не упомянул, что эта фрекен Хансен была Гина Хансен, наша бывшая экономка.

Верле (*принужденно-насмешливо*). Я не знал, что ты особенно интересовался нашей бывшей экономкой.

Грегерс. Я и не интересовался. Но... (*понижая голос*) кажется, другие здесь в доме очень интересовались ею.

Верле. Что ты хочешь сказать? (*Вспылив.*) Не на меня же ты намекаешь?

Грегерс (*тихо, но твердо*). Да, я на тебя намекаю.

Верле. И ты смеешь!.. Осмеливаешься!.. А этот неблагодарный, этот фотограф... как смеет он взводить подобные обвинения!

Грегерс. Ялмар ни единым словом не коснулся этого. Не думаю, чтобы у него было хоть малейшее подозрение.

Верле. Так откуда же ты взял? Кто мог тебе сказать подобное?

Грегерс. Моя бедная, несчастная мать. Она мне сказала это, когда я в последний раз виделся с ней.

Верле. Твоя мать! Этого и надо было ожидать. Вы с ней всегда были заодно. Она и восстановила тебя против меня с самого начала.

Грегерс. Нет, не она, а ее муки и страдания – все, что сломало ее и привело к злополучному концу.

Верле. О, ей вовсе не из-за чего было так страдать и мучиться; во всяком случае, причин у нее было не больше, чем у многих других! Но с болезненными, экзальтированными особами не сговоришься. Я это достаточно испытал... И вот ты теперь носишься с подобными подозрениями... роешься в куче старых пересудов и сплетен, позорящих твоего отца. Право, Грегерс, в твои годы пора бы уж заняться чем-нибудь более полезным.

Грегерс. Да, пожалуй, пора бы.

Верле. Тогда и на душе у тебя, может быть, стало бы светлее, чем, как видно, теперь. Ну к чему тебе корпеть там на заводе, гнуть спину как простому конторщику и отказываться брать хоть грош сверх положенного жалованья? Ведь это прямо глупо с твоей стороны.

Грегерс. Да, если бы я был уверен, что это так.

Верле. Я тебя понимаю. Ты хочешь быть независимым, не быть мне ничем обязанным. Ну вот, теперь тебе и представляется случай стать независимым, самому себе господином.

Грегерс. Вот? Как так?..

Верле. Видишь, я писал тебе, чтобы ты непременно и немедленно

приехал сюда в город... гм...

Грегерс. Да... но что тебе, в сущности, понадобилось от меня? Я весь день ждал объяснения.

Верле. Я хочу предложить тебе вступить компаньоном в фирму.

Грегерс. Мне? В твою фирму? Компаньоном?

Верле. Да. Нам не пришлось бы из-за этого постоянно бывать вместе. Ты мог бы вести дела здесь, в городе, а я переехал бы на завод.

Грегерс. Ты?

Верле. Видишь ли, я теперь уж не такой работник, как прежде. Приходится беречь глаза, Грегерс: что-то слабы стали.

Грегерс. Ну, это всегда было.

Верле. Не так, как теперь. Да и кроме того... по некоторым соображениям... я мог бы, пожалуй, предпочесть перебраться туда... хоть на время.

Грегерс. Вот чего никогда бы не подумал.

Верле. Слушай, Грегерс. Мы с тобой во многом и многом не сходимся. Но все же мы с тобой – отец и сын. И, право, мы могли бы прийти к какому-нибудь соглашению.

Грегерс. То есть с виду?

Верле. Да, хотя бы так. Подумай же насчет этого, Грегерс. По-твоему, это возможно? А?

Грегерс (*холодно смотрит на него*). Тут что-то кроется.

Верле. То есть как это?

Грегерс. Я тебе для чего-то нужен.

Верле. При столь тесных узах, как наши, надо полагать, один всегда нуждается в другом.

Грегерс. Да, говорят.

Верле. И я бы очень хотел, чтобы ты теперь побыл дома некоторое время.

Я одинок, Грегерс. Всегда чувствовал себя одиноким, всю жизнь. Но теперь это особенно дает себя знать – старею. Мне нужно иметь подле себя кого-нибудь.

Грегерс. У тебя ведь есть фру Сербю.

Верле. Да, это верно. И я, так сказать, почти не могу обойтись без нее. У нее такой веселый нрав и ровный характер, она оживляет весь дом... а мне это очень, очень нужно.

Грегерс. Так вот, значит, у тебя и есть все, что тебе нужно.

Верле. Да, но я боюсь, что так дело не может продолжаться. Женщина в подобных условиях легко может попасть в ложное положение в глазах

света. Да я готов сказать, что и для мужчины это неудобно.

Грегерс. О, если мужчина задает такие обеды, как ты, он может позволить себе кое-что.

Верле. Но **она-то**, Грегерс? Ее-то положение? Боюсь, что долго она не выдержит. Да если бы даже... если бы ради меня она и махнула рукой на все пересуды и сплетни... то сам посуди, Грегерс, – у тебя так сильно развито чувство справедливости...

Грегерс (*прерывая его*). Скажи мне коротко и ясно: ты собираешься жениться на ней?

Верле. А если бы так? Что тогда?

Грегерс. Я тоже спрошу, что тогда?

Верле. Ты был бы решительно против этого?

Грегерс. Отнюдь нет. Никоим образом.

Верле. Я ведь не мог знать... Быть может, дорожа памятью покойной матери...

Грегерс. Я не страдаю экзальтацией.

Верле. Ну, как бы там ни было, ты, во всяком случае, снял с моей души тяжелый камень. Мне очень дорого заручиться в этом деле твоим сочувствием.

Грегерс (*глядя на него в упор*). Теперь я понимаю, для чего ты меня хотел использовать.

Верле. Использовать. Что за выражение!

Грегерс. Не будем особенно щепетильны насчет слов, по крайней мере с глазу на глаз. (*С отрывистым смехом.*) Так вот оно что! Вот зачем я во что бы то ни стало должен был явиться в город собственной персоной. Ради фру Сербю надо было поставить дом на семейную ногу. Табло из сына и отца! Это нечто новенькое!

Верле. Как ты смеешь говорить в таком тоне!

Грегерс. Когда тут в доме была семья? Никогда, сколько я себя помню. А теперь, видно, понадобилось создать хоть нечто в этом роде. В самом деле, как это славно будет: заговорят, что вот сын на крыльях благоговения прилетел к помолвке старика отца. Что же тогда останется от всех этих слухов о бедной покойной страдальце матери? Ни порошинки! Ее сын развеет их по ветру!

Верле. Грегерс... право, для тебя, кажется, нет на свете человека ненавистнее меня.

Грегерс (*тихо*). Чересчур уж близко я присмотрелся к тебе.

Верле. Ты смотрел на меня глазами своей матери. (*Слегка понижая голос.*) Но ты бы вспомнил, что глаза эти... бывали иногда отуманены.

Греггерс (*дрожащим голосом*). Я понимаю, на что ты намекаешь. Но кто виноват в несчастной слабости матери? Ты и все эти!.. Последнею была эта бабенка, с которой свели Ялмара Экдала, когда самому тебе она... о-о!..

Верле (*пожимая плечами*). Слово в слово, как сказала бы твоя мать.

Греггерс (*не обращая на него внимания*). И он, эта великая, детски доверчивая душа, по уши увяз теперь в этой лжи... Живет под одной кровлей с такой... и не знает, что его так называемый семейный очаг построен на лжи! (*Делая шаг к отцу.*) Как оглянуться на пройденный тобой путь, словно гляжу на поле битвы, усеянное разбитыми человеческими жизнями.

Верле. Сдается мне, что пропасть между нами слишком уж широка.

Греггерс (*овладев собой, с поклоном*). Я это заметил и потому откланиваюсь... ухожу.

Верле. Уходишь? Совсем из дому?

Греггерс. Да. Теперь наконец я вижу перед собой цель жизни.

Верле. Что же это за цель?

Греггерс. Ты бы только посмеялся, узнав ее.

Верле. Кто одинок – не так легко смеется, Греггерс.

Греггерс (*указывая в глубину второй комнаты*). Взгляни-ка, отец, камергеры играют в жмурки с фру Сербю... Спокойной ночи... прощай! (*Идет во вторую комнату и скрывается направо.*)

Слышны смех и шуточные возгласы группы гостей, показавшейся во второй комнате слева.

Верле (*презрительно бормочет вслед Греггерсу*). Эх! Бедняга!.. А еще говорит, что не страдает экзальтацией.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ателье Ялмара Экдала. Просторное помещение, видимо, переделанное из чердака. Направо идущий косым наклоном потолок с большими оконными стеклами; они наполовину задернуты синими занавесками. В правом углу, в глубине, входная дверь, впереди же направо дверь в жилые комнаты. В левой стене тоже двое дверей, в простенке между ними железная печка. В средней стене широкие раздвижные двери. Обстановка скромная, но уютная. Между дверями направо, несколько поодаль от простенка, диван, стол и несколько стульев. На столе горит лампа под абажуром, лежат фотографии и разная мелочь, вроде кисточек, бумаги, карандашей и прочего. В углу у печки старое кресло. Там и сям расставлены и разложены фотографические аппараты и принадлежности. У средней стены, налево от раздвижных дверей, полки, на которых несколько книг, ящики и бутылки с химическими жидкостями, разные инструменты и прочее.

Гина Экдал сидит за шитьем на стуле у стола. Хедвиг на диване, заслонив глаза ладонями от лампы и заткнув уши пальцами, читает книгу.

*Гина (поглядывает на дочь со скрытой тревогой, потом говорит).
Хедвиг!*

Хедвиг не слышит.

(Громче.) Хедвиг!

Хедвиг (отнимая пальцы от ушей). Что, мама?

Гина. Милая Хедвиг, нельзя тебе больше читать.

Хедвиг. Ах, мама, ну еще немножко! Чуточку!

Гина. Нет, нет, отложи книгу. Отец этого не любит. Он и сам никогда не читает по вечерам.

Хедвиг (закрывая книгу). Да, папа не очень-то любит читать.

Гина (откладывает шитье и берет со стола карандаш и тетрадку). Ты не помнишь, сколько мы сегодня заплатили за масло?

Хедвиг. Крону шестьдесят пять эре.

Гина. Верно. (Записывает.) Ужаси, сколько у нас масла выходит. Да еще колбаса и сыр. Постой-ка... (Записывает.) И ветчина еще... гм... (Сводит счет.) Вот уж выходит...

Хедвиг. А пиво-то еще?

Гина. Да, само собой. *(Записывает.)* Становится в копеечку. А все надо.

Хедвиг. Зато нам с тобой не нужно было сегодня горячего к обеду, раз папа ушел.

Гина. Да, это кстати вышло. Да еще я получила восемь крон пятьдесят эре за карточки.

Хедвиг. Неужто столько?

Гина. Аккурат восемь крон пятьдесят!

Молчание. Гина опять принимается за шитье. Хедвиг берет карандаш и бумагу и что-то рисует, заслоня глаза левой рукой.

Хедвиг. А ведь забавно подумать, что папа сегодня на таком большом обеде у коммерсанта Верле!

Гина. Нельзя сказать, что у коммерсанта. Это ведь сын прислал за ним. *(Немного погодя.)* С коммерсантом у нас нет никаких делов.

Хедвиг. Вот будет хорошо, когда папа придет. Он обещал попросить для меня у фру Сербю чего-нибудь вкусного.

Гина. Да, в этом доме найдется немало вкусных вещей, не сомневаюсь.

Хедвиг *(продолжая рисовать)*. А я как будто и проголодалась немножко.

Старик Экдал с бумагами под мышкой и свертком в кармане пальто появляется из входной двери.

Гина. Как дедушка поздно сегодня!

Экдал. Контору заперли. Пришлось ждать у Гроберга. И потом пройти через... гм... Хедвиг. Дали новую переписку, дедушка?

Экдал. Целую кипу. Погляди-ка. Гина. Славно.

Хедвиг. И в кармане тоже у тебя сверток.

Экдал. Что? Глупости! Ничего там нет. *(Ставит палку в угол.)* Работы надолго хватит, Гина. *(Отодвигает одну половинку дверей в задней стене.)* Тсс! *(Заглядывает в глубину и снова осторожно задвигает дверь.)* Хе-хе! Все прикорнули. А она забралась в корзинку. Хе-хе!

Хедвиг. А ей, наверно, не холодно в корзинке, дедушка?..

Экдал. Еще что выдумала! Холодно!.. Столько соломы! *(Идет к двери в глубине налево.)* У меня там есть спички?

Гина. Спички на комодке.

Экдал уходит к себе.

Хедвиг. Вот славно-то, что дедушка опять с перепиской!

Гина. Да, бедный старик, теперь хоть карманными деньгами запасется.

Хедвиг. И не станет сидеть по целым утрам в этом трактире у противной мадам Эриксен!

Гина. Да, и это тоже хорошо.

Небольшая пауза.

Хедвиг. Как ты думаешь, они все еще за столом сидят?

Гина. А бог их знает. Пожалуй.

Хедвиг. Подумай, каким вкусным обедом угощают там папу! Он, наверно, придет веселый. Правда, мама?

Гина. Да. А если бы мы еще могли порадовать его, что комната сдана!

Хедвиг. Ну, это необязательно сегодня.

Гина. Пригодилось бы. Стоит ведь без всякой пользы.

Хедвиг. Нет, я хотела сказать, что сегодня это не обязательно. Папа и так сегодня будет в духе. Лучше, если удастся порадовать его этим в другой раз.

Гина (*глядит на нее*). А ты любишь радовать папу по вечерам чем-нибудь таким хорошим?

Хедвиг. Да. Тогда сразу как-то веселее становится.

Гина (*задумываясь*). Да, да, пожалуй, так.

Старик Экдал выходит из своей комнаты и направляется к первой двери налево.

(*Поворачивается к нему.*) Что-нибудь надо в кухне, дедушка?

Экдал. Да, надо. А ты сиди себе. (*Проходит в кухню.*)

Гина. Не затеял бы с угольями возиться. (*Выжидает.*) Хедвиг, поди-ка погляди, чего он там...

Экдал выходит из кухни с кружкой кипятку, от которого идет пар.

Хедвиг. Ты за кипятком ходил, дедушка?

Экдал. Да. Нужно. Писать хочу, а чернила густые, как каша... Гм!..

Гина. Вы бы, дедушка, поужинали сначала. Там приготовлено ведь.

Экдал. Бог с ним, с ужином, Гина. Я ужасно занят, говорю тебе. И пусть никто ко мне не входит. Никто... Гм!.. (*Уходит к себе.*)

Гина и Хедвиг переглядываются.

Гина (*тихо*). Как ты думаешь, откуда он раздобыл денег?

Хедвиг. Верно, от Гроберга получил.

Гина. Что ты! Гроберг всегда присылает деньги мне.

Хедвиг. Так, пожалуй, в долг взял где-нибудь бутылочку.

Гина. Бедный дедушка, вряд ли ему дают в долг.

Ялмар Экдал входит в пальто и серой пуховой шляпе. Гина бросает шитье и встает.

Ах, ты уж вернулся, Экдал!

Хедвиг (*одновременно, вскакивая*). Подумать, папа уже пришел!

Ялмар (*откладывая шляпу*). Да, теперь, верно, и все почти разошлись.

Хедвиг. Так рано?

Ялмар. Да ведь званы были к обеду. (*Хочет снять с себя пальто.*)

Гина. Постой, я тебе помогу.

Хедвиг. И я.

Снимают с него пальто, которое Гина затем вешает на стену.

Много было гостей, папа?

Ялмар. Нет, немного. Нас было за столом персон двенадцать-четырнадцать.

Гина. И ты со всеми с ними разговаривал?

Ялмар. Да, немножко. Греггерс совсем завладел мною.

Гина. Что он, все такой же неказистый?

Ялмар. Да, не слишком хорош собой... А старик не вернулся?

Хедвиг. Как же. Сидит у себя и пишет.

Ялмар. Рассказывал что-нибудь?

Гина. Нет, что ему рассказывать?

Ялмар. Не упоминал?.. Говорили, кажется, что он был у Гроберга. Я загляну к нему.

Гина. Нет, нет, не стоит.

Ялмар. Почему? Он разве сказал, что не хочет пускать меня?..

Гина. Ему, видно, не хочется никого пускать к себе сегодня.

Хедвиг (*делая знаки*). Гм!.. гм!..

Гина (*не замечая*). Ходил в кухню за кипятком.

Ялмар. А-а! И сидит теперь и...

Гина. Да уж наверно.

Ялмар. Господи боже! Мой бедный, седовласый отец!.. Ну, пусть его сидит и наслаждается.

Старик Экдал в домашнем сюртуке и с раскуренной трубкой в руках выходит из своей комнаты.

Экдал. Вернулся? Я и то слушаю – как будто твой голос.

Ялмар. Только что пришел.

Экдал. Ты, сдается, меня не видал?

Ялмар. Нет. Но там говорили, что ты прошел через... Я и хотел тебя догнать...

Экдал. Гм... Очень мило с твоей стороны!.. А что за люди были там?

Ялмар. О, разные. Камергер Флор, камергер Балле, камергер Касперсон, камергер такой-то и такой-то... не знаю всех.

Экдал (*кивая*). Слышишь, Гина! Все с одними камергерами сидел.

Гина. Да, видно, там теперь страсть как важно стало в доме.

Хедвиг. Что ж они, пели эти камергеры? Или читали что-нибудь вслух?

Ялмар. Нет, только вздор мололи. Хотели было меня заставить декламировать, да не тут-то было.

Экдал. Не тут-то было, а?

Гина. А ты ведь отлично мог бы.

Ялмар. Нет, не следует быть к услугам всех и каждого. (*Расхаживая по комнате.*) Во всяком случае, я не из таковских.

Экдал. Нет, нет, Ялмар не из таковских.

Ялмар. Не знаю, с чего бы это непременно мне занимать гостей, если я редкий раз покажусь в обществе. Пусть другие потрудятся. Эти молодчики только и делают, что переходят из дома в дом – поесть да попить. Пусть они и расплачиваются за угощение.

Гина. Но, верно, ты там этого не сказал?

Ялмар (*напевая*). Хо-хо-хо! Пришлось-таки и им кое-что скушать.

Экдал. Самим камергерам!

Ялмар. Не без того. (*Вскользь.*) Потом у нас еще вышел маленький спор насчет токайского.

Экдал. Токайское? Тонкое вино!

Ялмар (*останавливаясь*). Бывает и тонкое. Но, я скажу тебе, не все выпуски одинаковы. Все дело в том, много ли солнца попало на виноград.

Гина. Все-то ты знаешь, Экдал!

Экдал. А они спорить стали?

Ялмар. Пытались было. Зато и узнали, что и камергеры недалеко ушли. Тоже не все выпуски одинаковы. Одни получше, другие поплоче!

Гина. Нет, чего только ты не придумаешь!

Экдал. Хе-хе! Ты так им и преподнес?

Ялмар. Ха, что называется, не в бровь, а прямо в глаз!

Экдал. Слышишь, Гина? Самим камергерам! Прямо в глаз!

Гина. Да неужто! Прямо в глаз?

Ялмар. Да, только нечего об этом болтать. Таких вещей не рассказывают. Притом весь разговор велся в самом дружеском, шутливом тоне, разумеется. Люди, в сущности, все такие милые, славные; зачем было их обижать? Не-ет!

Экдал. А все-таки – прямо в глаз!

Хедвиг (*ласкаясь*). Как интересно, что ты во фраке. Ужасно к тебе идет, папа!

Ялмар. Правда? Он в самом деле сидит очень недурно. Почти как на меня сшит... Разве чуточку режет под мышками... Помоги-ка, Хедвиг. (*Снимает фрак.*) Лучше надеть пиджак. Ты куда девала пиджак, Гина?

Гина. Сейчас. (*Приносит пиджак и помогает Ялмару надеть его.*)

Ялмар. Вот так. Не забудь только вернуть Молвику фрак завтра же утром, пораньше.

Гина (*откладывая фрак*). Да уж не забуду.

Ялмар (*потягиваясь*). А-а! Оно все-таки удобнее так. Да и такое свободное домашнее платье больше подходит ко всему моему внешнему облику. Что скажешь, Хедвиг?

Хедвиг. Да, папа!

Ялмар. А если еще растрепать галстук вот так – концами врозь... Гляди! Что?

Хедвиг. Да, это очень идет к твоим усам и к длинным курчавым волосам.

Ялмар. Я бы не сказал – курчавым, а скорее волнистым.

Хедвиг. Да ведь они сильно курчавятся.

Ялмар. Скорее вьются.

Хедвиг (*немного погодя дергает его за рукав*). Папа!

Ялмар. Ну что?

Хедвиг. Ты сам знаешь.

Ялмар. Вот уж нет.

Хедвиг (*смеясь и хныча*). Ну, папа! Довольно мучить меня!

Ялмар. Да что такое?

Хедвиг (*тормоша его*). Ну, полно, полно, давай же, папа! Ты ведь обещал мне принести что-нибудь вкусное!

Ялмар. Вот тебе раз, забыл!

Хедвиг. Неправда, неправда! Ты нарочно дразнишь меня! стыдно! Куда ты запрятал?

Ялмар. Да, по правде скажу, в самом деле забыл. Пстой! Кое-что у меня все-таки есть для тебя. (*Идет и роется в карманах фрака.*)

Хедвиг (*прыгая и хлопая в ладоши*). Мама, мама!

Гина. Вот видишь... Дай только срок и...

Ялмар (*с листком в руках*). Вот оно.

Хедвиг. Это?.. Бумажка?..

Ялмар. Это список блюд, всех блюд, какие подавались. Видишь, написано: «Меню». Это и значит список блюд.

Хедвиг. А другого разве ничего не принес?

Ялмар. Говорят же тебе – забыл. Да и поверь мне – вредны все эти сласти. Присядь там у стола и читай кушанья по порядку, а я тебе потом опишу, каковы они были на вкус. На вот.

Хедвиг (*глота слезы*). Спасибо. (*Садится, но не читает.*)

Гина делает ей знаки. Ялмар замечает это.

Ялмар (*расхаживая по комнате*). О чем только не приходится думать и помнить отцу семейства! И стоит забыть самую безделицу – сейчас кислые мины. Что ж, и к этому не привыкать стать. (*Остановившись около печки, где сидит старик.*) Ты заглядывал туда вечером, отец?

Экдал. Еще бы! Она уселась в корзинку.

Ялмар. Неужели? Уселась-таки? Значит, привыкать начинает.

Экдал. Да. А я что говорил? Теперь только приладить кое-какие штучки...

Ялмар. Некоторые усовершенствования, да.

Экдал. Непременно надо.

Ялмар. Да, потолкуем-ка насчет этого. Иди сюда, сядем на диван.

Экдал. Ладно! Гм... Пстой, я сперва набью трубку... да и прочистить, кстати. Гм... (*Уходит в свою комнату.*)

Гина (*с улыбкой Ялмару*). Трубку прочистить, слышишь?

Ялмар. Ох, да, да, Гина. Пусть его. Бедный, потерпевший крушение старец... Да вот эти усовершенствования... Самое лучшее завтра же отделаться от них...

Гина. Завтра тебе некогда, Экдал.

Хедвиг (*быстро*). Что ты, мама!

Гина. Не забудь, надо ведь отретушировать те карточки. За ними уже сколько раз присылали.

Ялмар. Ну так! Опять эти карточки! Да успеется. А может быть, и новые заказы были?

Гина. Нет, к сожалению. На завтра у меня только и есть те два портрета, ты знаешь.

Ялмар. Только-то? Да, если не стараться, то...

Гина. Да что же я поделаю? Я и то уж публикую в газетах, сколько могу, кажется.

Ялмар. Газеты, газеты! Сама видишь, много от этого толку. И комнату, конечно, тоже никто не приходил смотреть?

Гина. Нет еще.

Ялмар. Так и надо было ожидать. Если не хлопотать!.. Надо взяться за дело посерьезнее, Гина!

Хедвиг (*подходя к нему*). Не принести ли тебе флейту, папа?

Ялмар. Никакой флейты мне не надо. Не до развлечений мне. (*Ходит по комнате.*) Да, буду работать завтра. За этим дело не станет. Буду работать, пока сил хватит...

Гина. Но, милый мой, я совсем не то хотела...

Хедвиг. Папа, не принести ли тебе пива?

Ялмар. Не нужно. Ничего мне не нужно. (*Остановливаясь.*) Пива? Ты пива предлагала?

Хедвиг (*живо*). Да, папа. Чудесное, свежее...

Ялмар. Ну... если уж тебе непременно хочется... принеси бутылочку.

Гина. Да, да! Вот и хорошо будет.

Хедвиг бежит в кухню.

Ялмар (*стоящий около печки, останавливает Хедвиг, смотрит на нее, берет за голову и прижимает к себе*). Хедвиг! Хедвиг!

Хедвиг (*со слезами радости*). Милый папочка!

Ялмар. Нет, не называй меня так. Сидел, угощался там всякими яствами за столом богача... сидел и плавал в изобилии... и все же мог...

Гина (*сидя у стола*). Ах, пустяки какие, Экдал.

Ялмар. Да! Вы уж не должны обращать внимания на всякую мелочь с моей стороны. Вы ведь знаете, я все-таки люблю вас.

Хедвиг (*обвивая его руками*). И мы тебя ужасно любим, папа!

Ялмар. А если я иной раз что и не так сделаю... то, господи боже

мой... помните, что меня одолевают заботы. Ну! (*Оттирает глаза.*) Не надо пива в такую минуту. Давай флейту.

Хедвиг бежит к полкам и приносит отцу флейту.

Спасибо!.. Вот так. С флейтой в руках, в кругу моих дорогих... О-о!

Хедвиг присаживается к матери. Ялмар, прохаживаясь по комнате, старательно и чувствительно начинает выводить на флейте народный чешский плясовой мотив в самом медленном элегическом темпе.

(*Прерывая игру, протягивает жене левую руку и говорит растроганно.*) Пусть кров наш убог и тесен, Гина. Все же это наш собственный угол. И я говорю: хорошо у нас здесь! (*Снова начинает играть, но тотчас же раздается стук во входную дверь.*)

Гина (*вставая*). Тсс... Экдал, кажется, пришел кто-то.

Ялмар (*кладет флейту на полку*). Ну вот, опять! Гина идет и отворяет дверь.

Грегерс Верле (*за дверью*). Извините...

Гина (*отступая*). Ах!

Грегерс. Здесь живет фотограф Экдал?

Гина. Тут.

Ялмар (*идя к дверям*). Грегерс! Ты все-таки... Ну, так входи же.

Грегерс (*входит*). Я ведь сказал, что хочу побывать у тебя.

Ялмар. Да, но сегодня?.. Ты бросил гостей?

Грегерс. И гостей и родной дом. Здравствуйте, фру Экдал. Узнаете ли вы меня?

Гина. Как же. Не так трудно узнать молодого господина Верле.

Грегерс. Да, я похож на мать, а ее вы, конечно, хорошо помните.

Ялмар. Ты бросил родной дом, говоришь?

Грегерс. Перебрался пока в гостиницу.

Ялмар. Вот как! Ну, раз ты пришел, то раздевайся и будь гостем.

Грегерс. Благодарю. (*Снимает пальто. Он уже успел переодеться в простой серый костюм деревенского покроя.*)

Ялмар. Сюда, на диван. Усаживайся поудобней.

Грегерс садится на диван, Ялмар на стул у стола.

Грегерс (*озираясь*). Так вот твоя пристань, Ялмар. Вот ты где живешь.

Ялмар. Это, собственно, ателье, как видишь...

Гина. Здесь попросторнее, мы тут все больше и сидим.

Ялмар. Прежде у нас было помещение получше. Но эта квартира удобнее тем, что есть лишние углы...

Гина. У нас есть еще комнатка за коридором, с отдельным ходом. Ее мы сдаем.

Греггерс (*Ялмару*). Вот как, и у тебя жильцы?

Ялмар. Пока еще нет. Дело не так-то скоро делается, видишь. Приходится хлопотать. (*Хедвиг*.) Так что же с пивом?

Хедвиг кивает головой и уходит в кухню.

Греггерс. Так это твоя дочь?

Ялмар. Да, это Хедвиг.

Греггерс. Одна-единственная?

Ялмар. Единственная. В ней вся наша радость и (*понижая голос*) в ней же и глубочайшее наше горе, Греггерс!

Греггерс. Что такое ты говоришь?

Ялмар. Да видишь ли, ей грозит беда – ослепнуть!

Греггерс. Ослепнуть!

Ялмар. Да. Пока налицо лишь первые симптомы. И еще некоторое время может пройти благополучно. Но доктор предупредил нас. Это неотвратимо.

Греггерс. Какое ужасное несчастье! С чего это у нее?

Ялмар (*со вздохом*). Наследственное, вероятно.

Греггерс (*пораженный*). Наследственное?

Гина. У матери Экдала тоже были слабые глаза.

Ялмар. Да, отец говорит. Я ее не помню.

Греггерс. Бедная девочка! А как она относится к этому?

Ялмар. Да ты понимаешь, у нас духу не хватает открыть ей это. Она и не подозревает опасности. Веселая, беззаботная, щебеча как птичка, летит она навстречу вечному мраку. (*Совсем подавленный*.) Ах, это прямо убивает меня, Греггерс.

Хедвиг приносит поднос с бутылкой и стаканами, который ставит на стол.

(*Гладит ее по голове*.) Спасибо, спасибо, Хедвиг.

Хедвиг обвивает рукой его шею и шепчет ему что-то на ухо.

Нет. Бутербродов не надо. *(Оглядываясь.)* Впрочем, может быть, Греггерс скушает что-нибудь?

Греггерс *(делая отрицательный жест рукой)*. Нет, нет, благодарю.

Ялмар *(в том же грустном тоне)*. Ну да подай все-таки... Хорошо, кабы нашлась горбушка. Только намажь хорошенько маслом, не забудь.

Хедвиг весело кивает и уходит опять в кухню.

Греггерс *(следивший за ней глазами)*. А с виду она довольно крепкая, здоровая, мне кажется.

Гина. Да, ни на что больше, слава богу, пожаловаться нельзя.

Греггерс. Она, верно, будет со временем похожа на вас, фру Экдал. Сколько ей лет?

Гина. Скоро аккурат четырнадцать. Послезавтра ее рождение.

Греггерс. Высокая для своих лет.

Гина. Да, она страсть вытянулась за последний год.

Греггерс. По таким вот подросткам лучше всего и можно проследить, как сам старишься... Сколько же лет вы женаты?

Гина. Да вот... да, скоро пятнадцать.

Греггерс. Скажите! Уже столько?

Гина *(настораживаясь, смотрит на него)*. Да, разумеется, так.

Ялмар. Так, так. Пятнадцать лет без малого. *(Переходя в другой тон.)* Медленно, должно быть, тянулись для тебя эти годы там, на заводе, Греггерс?

Греггерс. Тянулись медленно, пока я тянул там лямку. Теперь же просто и не знаю, куда они девались.

Старик Экдал выходит из своей комнаты, без трубки, но в старой военной фуражке. Поступь нетвердая.

Экдал. Ну вот, Ялмар, теперь сядем и потолкуем... Гм!.. О чем бишь это?..

Ялмар *(идя ему навстречу)*. Отец, у нас гость, Греггерс Верле... Не знаю, помнишь ли ты его.

Экдал *(смотрит на Греггерса, который встает)*. Верле? Это сын, что ли? Чего ж ему от меня надо?

Ялмар. Ничего. Он ко мне пришел.

Экдал. Ну, значит, ничего такого нет?

Ялмар. Нет, разумеется, ничего.

Экдал (*размахивая руками*). Не потому, видишь ли... Я не боюсь, а...

Грегерс (*подходит к нему*). Я привез вам поклон от старых охотничьих угодий, лейтенант Экдал.

Экдал. От охотничьих угодий?

Грегерс. Да, от тех, что раскинулись около завода в Горной долине.

Экдал. Ах, вот что. Да, я когда-то хорошо знал эти места.

Грегерс. В те времена вы были лихим охотником.

Экдал. Был, был. Как же. Вы смотрите на фуражку? Я никого не спрашиваюсь – ношу дома. На улицу в ней не выхожу – и довольно.

Хедвиг приносит тарелку с бутербродами и ставит на стол.

Ялмар. Присаживайся, отец, и выпей стаканчик пивца. Пожалуйста, Грегерс.

Экдал что-то бормочет и нетвердой походкой направляется к дивану.

Грегерс садится на стул ближе к нему, Ялмар рядом с Грегерсом по другую сторону. Гина сидит немного поодаль за шитьем. Хедвиг стоит возле Ялмара.

Грегерс. Помните вы, лейтенант Экдал, как мы с Ялмаром приезжали к вам туда на каникулы – летом и на рождестве?

Экдал. И вы? Нет, нет, не помню. Но, смею сказать, я был лихой охотник. И медведей бил. Целых девять штук уложил.

Грегерс (*с участием глядя на него*). А теперь больше уж не охотитесь?

Экдал. Не говорите, старина. Иногда еще охочусь. Конечно, не на тот манер. Потому что лес, видите ли... лес – лес!.. (*Пьет.*) Он там все такой же красивый?

Грегерс. Не такой уж, как в ваше время. Чертовски много повырублено.

Экдал. Повырублено? (*Понизив голос, как бы со страхом.*) Опасная это штука. Даром не проходит. Лес мстит.

Ялмар (*подливает ему в стакан*). Пей на здоровье, отец. Еще немножко.

Грегерс. Как такой человек, как вы... привыкший к простору, вольному воздуху... может уживаться в душном городе, вечно в четырех стенах?

Экдал (*посмеивается и поглядывает на Ялмара*). Ну, здесь не так уж худо. Совсем не так худо.

Греггерс. Да где же здесь все то, с чем вы сроднились? Где свежее дыхание ветра, вольная жизнь на лоне природы, среди зверей и птиц...

Экдал (*улыбаясь*). Ялмар, показать ему, что ли?

Ялмар (*быстро и смущенно*). Нет, нет, отец. Не сегодня.

Греггерс. Что такое хочет он мне показать?

Ялмар. Так, пустяки. В другой раз посмотришь.

Греггерс (*продолжая свой разговор со стариком*). Да, так вот что я хотел сказать вам, лейтенант Экдал: поедemте со мной на завод. Я, должно быть, скоро опять уеду. Переписка для вас и там, верно, нашлась бы. А тут ведь у вас ничего такого нет, что могло бы скрашивать, оживлять вашу жизнь.

Экдал (*с удивлением глядит на него*). У меня нет ничего, что могло бы...

Греггерс. Ну, конечно, у вас есть Ялмар, но у него уже своя семья. А такой человек, как вы, которого всегда так тянуло на простор, поближе к природе...

Экдал (*ударяя рукой о стол*). Ялмар, теперь он должен взглянуть!

Ялмар. Да стоит ли, отец? Темно уже...

Экдал. Вздор. Луна светит. (*Встает.*) Теперь он должен увидеть, говорю я. Пропустите-ка меня. Да иди пособить, Ялмар!

Хедвиг. Да, да, папа!

Ялмар (*встает*). Ну, ладно.

Греггерс (*Гине*). Что у них там такое?

Гина. Вы не думайте, не бог весть что.

Экдал с Ялмаром идут в глубину комнаты и раздвигают двери – каждый свою половину; Хедвиг помогает старику. Греггерс стоит около дивана. Гина спокойно продолжает шить. В широкое дверное отверстие виден просторный, длинный, неправильной формы чердак, с закоулками и печными трубами. В крыше несколько слуховых окошек, сквозь которые проникает яркий лунный свет, освещающий некоторые углы чердака, остальное тонет во мраке.

Экдал (*Греггерсу*). Вам надо подойти сюда поближе.

Греггерс (*идет к ним*). Да что же тут у вас такое, собственно?

Экдал. А вы поглядите. Гм...

Ялмар (*несколько смущенно*). Тут владения отца, понимаешь?

Греггерс (*у дверей заглядывает на чердак*). Вы держите кур, лейтенант Экдал!

Экдал. Полагаю – держим кур. Теперь все сидят на нашестах. А поглядели бы вы их днем, этих кур-то!

Хедвиг. А потом еще...

Экдал. Тсс!.. Ни слова пока.

Грегерс. И голуби у вас есть, как вижу.

Экдал. О да. И голуби у нас найдутся! Для них под самой крышей и ящички прилажены, для кладки яиц. Голуби, знаете, любят гнездиться повыше.

Ялмар. Это все не простые голуби.

Экдал. Простые! Я думаю! У нас турманы! И зобастые есть тоже. А вот подите-ка сюда! Видите ящик там у стены?

Грегерс. Да. Для чего же он вам служит?

Экдал. Там спят ночью кролики, старина.

Грегерс. Так у вас и кролики есть?

Экдал. Да, как видите, черт возьми, и кролики! Слышишь, Ялмар? Он спрашивает, есть ли у нас кролики. Гм... А вот теперь самое главное. Сейчас. Отодвинься, Хедвиг. А вы станьте тут. Вот так. И глядите сюда... Видите вон там корзинку с соломой?

Грегерс. Да. И в ней вижу какую-то птицу.

Экдал. Гм... «птицу»!..

Грегерс. Утка, что ли?

Экдал (*шокированный*). Ну, понятно, утка.

Ялмар. Да какая утка, как ты думаешь?

Хедвиг. Это не простая утка...

Экдал. Тсс!..

Грегерс. Ну и не турецкая же...

Экдал. Нет, господин... Верле. Это не турецкая утка. Это дикая утка.

Грегерс. Да неужели? Дикая?

Экдал. Именно! Эта «птица», как вы изволили ее назвать, – дикая утка. Наша дикая утка, старина.

Хедвиг. Моя дикая утка, потому что она мне принадлежит.

Грегерс. И она может жить тут, на чердаке? Прижилась?

Экдал. Да вы же понимаете, у нее целое корыто с водой, где она может плескаться вволю.

Ялмар. Воду через день меняем.

Гина (*обращаясь к Ялмару*). Но, милый Ялмар, вы такого холоду сюда напустили!

Экдал. Гм... так закроем. Да и не надо их тревожить на ночлеге. Берись, Хедвиг.

Ялмар и Хедвиг сдвигают вместе обе половинки двери.

В другой раз рассмотрите ее хорошенько. (*Садится в кресло у печки.*) Они такие удивительные, эти дикие утки.

Грегерс. Да как же вы ее поймали, лейтенант Экдал?

Экдал. Я не ловил. Мы обязаны ею некоему господину здесь в городе.

Грегерс (*несколько пораженный*). Уж не отцу ли моему?

Экдал. Именно. Как раз вашему отцу. Гм...

Ялмар. Вот забавно – как ты это отгадал, Грегерс?

Грегерс. Ты недавно рассказывал, скольким ты обязан отцу... ну вот, я и подумал...

Гина. Да, но мы не от самого же коммерсанта получили ее.

Экдал. Все равно, Гина. Мы ею обязаны Хокону Верле. (*Грегерсу.*) Он, видите ли, катался в лодке и подстрелил ее. Видит-то он плохо... гм... Ну, вот только и подстрелил.

Грегерс. А-а! Всадил ей, значит, несколько дробинок в тело.

Ялмар. Да, две-три дробинок.

Хедвиг. Под самое крыло. И она не могла улететь.

Грегерс. И, верно, нырнула?

Экдал (*сонным заплетающимся языком*). Известно... дикие утки всегда так. Нырнут на дно... в самую глубину, старина... вцепятся в траву, водоросли... и во всякую чертовщину там внизу... и уж наверх больше не всплывают.

Грегерс. Но ведь ваша утка всплыла, лейтенант Экдал?

Экдал. У вашего отца такая лютая собака. Нырнула и вытащила утку.

Грегерс (*Ялмару*). И она попала к вам?

Ялмар. Не сразу. Сначала-то она попала к твоему отцу. Но там она не прижилась, стала хиреть, и Петтерсену велели ее прикончить...

Экдал (*в полусне*). Гм... да, да... Петтерсен – болван.

Ялмар (*понижая голос*). Вот таким-то образом она досталась нам. Отец немножко знаком с Петтерсеном, узнал от него насчет этой дикой утки и устроил так, что ее уступили нам.

Грегерс. И тут у вас на чердаке ей живется отлично.

Ялмар. Удивительно! Даже разжирела. Да, положим, она здесь уже столько времени, что успела забыть настоящую волю. А в **этом-то** все и дело.

Грегерс. Пожалуй, ты прав, Ялмар. Пусть только не видит никогда неба и моря... Но я не смею дольше засиживаться, отец твой, кажется, заснул?

Ялмар. Ну, из-за этого-то...

Грегерс. Кстати, ты говорил, вы сдаете комнату? И она сейчас не занята?

Ялмар. Да, а что? Ты кого-нибудь знаешь?..

Грегерс. Могу я снять эту комнату?

Ялмар. Ты?

Гина. Нет, что вы, господин Верле!..

Грегерс. Отдадите вы ее мне? Тогда я завтра же утром перееду.

Ялмар. Да с величайшим удовольствием.

Гина. Нет, господин Верле, она для вас окончательно не годится, неподходящая.

Ялмар. Да что ты, Гина? Как ты можешь говорить так?

Гина. Да как же? И тесна, и свету мало, и...

Грегерс. Это все не беда, фру Экдал.

Ялмар. По-моему, вполне приличная комната. И обставлена недурно.

Гина. Да ты вспомни, кто живет внизу... Эти двое...

Грегерс. Кто эти двое?

Гина. Да один прежде был домашним учителем...

Ялмар. Кандидат Молвик.

Гина. А еще один доктор, Реллинг по фамилии.

Грегерс. Реллинг? Его я немножко знаю. Он практиковал одно время в Горной долине.

Гина. Это такие несуразные господа! Часто кутят по вечерам, домой приходят поздней ночью и не всегда в своем...

Грегерс. К этому скоро можно привыкнуть. Надеюсь, что и я, как дикая утка...

Гина. Гм... я думаю, вам лучше отложить до завтра... Утро вечера мудренее.

Грегерс. Вам что-то очень не хочется пускать меня к себе в дом, фру Экдал.

Гина. Бог с вами! Что вы!

Ялмар. Да, это в самом деле странно с твоей стороны, Гина. (Грегерсу.) А скажи мне, ты, значит, рассчитываешь остаться на время в городе?

Грегерс (надевая пальто). Да, теперь рассчитываю.

Ялмар. Но не дома, у отца? Что же ты намерен предпринять?

Грегерс. Да, знай я только это... тогда бы еще было с полгоря. Но когда имеешь несчастье зваться Грегерсом... Грегерс... да еще Верле... Слышал ли что-нибудь хуже?

Ялмар. Я совсем не нахожу...

Греггерс. Брр! Я бы плюнул на другого молодчика с таким именем. Но раз самому выпал на долю крест быть Греггерсом Верле, как вот мне...

Ялмар (*смеясь*). Ха-ха-ха! А чем же хотел бы ты быть, если не Греггерсом Верле?

Греггерс. Если бы я мог выбирать, я бы лучше всего хотел быть ловкой собакой.

Гина. Собакой!

Хедвиг (*невольно*). Да нет же?!

Греггерс. Да. Настоящей, умной, ловкой собакой, из таких, которые ныряют на дно за дикими утками, когда те идут ко дну, вцепляются там в водоросли и зарываются в тине.

Ялмар. Нет, знаешь, Греггерс, я не понимаю из всего этого ни одного слова.

Греггерс. Да, пожалуй, тут и понимать-то особенно нечего. Ну, так завтра утром я перееду к вам. (*Гине.*) Я не доставлю вам особых хлопот, я сам привык все делать. (*Ялмару.*) Об остальном поговорим завтра. Спокойной ночи, фру Экдал. (*Кивая Хедвиг.*) Спокойной ночи.

Гина. Спокойной ночи, господин Верле.

Хедвиг. Спокойной ночи.

Ялмар (*зажигая свечку*). Постой, надо посветить тебе, на лестнице, верно, темно. (*Провожает Греггерса.*)

Гина (*задумчиво, сложив шитье на коленях*). Что он тут нагородил, – хотел бы быть собакой?

Хедвиг. Знаешь, что я скажу тебе, мама, мне кажется, у него было на уме совсем другое.

Гина. Да что же?

Хедвиг. Я не знаю. Но он все время как будто говорит одно, а думает совсем другое.

Гина. Ты думаешь? Чудно!

Ялмар (*возвращается*). Лампа еще горела там. (*Тушит свечу и ставит ее на стол.*) Ну, наконец-то можно пропустить кусочек в горло. (*Принимается за бутерброды.*) Вот видишь, Гина, стоит только постараться, и...

Гина. Как так – постараться?

Ялмар. Да ведь это все-таки кстати, что мы наконец сдали ту комнату. Да еще кому – Греггерсу, старому хорошему другу.

Гина. Уж и не знаю, что тебе сказать.

Хедвиг. Ах, мама, увидишь, как весело будет!

Ялмар. Тебя не разберешь. То у тебя только и думы, как бы сдать

комнату, а теперь тебе это не по вкусу...

Гина. Да, если бы кому другому, Экдал... А то – что, ты думаешь, скажет на это коммерсант?

Ялмар. Старик Верле? Ему-то какое дело?

Гина. Да ведь понятно, у них что-нибудь опять вышло, если молодой ушел из дому. Ты же знаешь, как они друг к дружке-то...

Ялмар. Все это, конечно, очень может быть, но...

Гина. А теперь, пожалуй, коммерсант подумает, что это все твои штуки...

Ялмар. Ну и пусть его! Верле очень много сделал для меня. Помилуйте! Я это признаю. Но не могу же я из-за этого быть в вечной зависимости от него.

Гина. Но, милый Экдал, как бы это не отозвалось на дедушке. Вот возьмут, да и отнимут у него этот маленький заработок в конторе.

Ялмар. А!.. Я чуть было не сказал – и пусть! Разве не унижительно для такого человека, как я, что его седовласый старик отец ходит каким-то побирушкой? Но теперь, я думаю, уж близок час!.. *(Берет еще бутерброд.)* Раз на меня возложена такая задача в жизни, я ее и выполню.

Хедвиг. Да, да, папа! Непременно!

Гина. Тсс! Не разбуди его!

Ялмар *(тише)*. Я ее и **выполню**, говорю я. Настанет день, когда... И потому хорошо, что мы сдали комнату. Я буду несколько менее стеснен материально. А это очень важно для человека, у которого есть особая задача в жизни. *(Останавливаясь у кресла, растроганно.)* Бедный, старый, убеленный сединами отец! Положись на своего Ялмара! У него широкие плечи... сильные, во всяком случае. В один прекрасный день ты проснешься и... *(Гине.)* Ты, пожалуй, не веришь?

Гина *(вставая)*. Конечно, верю. Но давай сперва уложим его в постель.

Ялмар. Хорошо, давай.

Осторожно поднимают старика.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Павильон Ялмара Экдала. Утро. Свет падает из большого окна в потолок, занавески отдернуты.

Ялмар сидит у стола и ретуширует карточку, перед ним лежит еще несколько карточек. Немного погодя из входной двери появляется Гина в шляпе и накидке, с корзинкой в руке.

Ялмар. Ты уже вернулась, Гина?

Гина. Как же, прохлаждаться-то некогда. (Ставит корзинку на стол и снимает с себя накидку и шляпу.)

Ялмар. Заглянула к Греггерсу?

Гина. Да, да. Уж и комната! Любо взглянуть. Не успел въехать – такую чистоту навел!

Ялмар. Что такое?

Гина. Да как же? Он ведь все сам да сам. Сказал, что не надо ему ничьих услуг. Ну и печку сам затопил. А трубу-то не открыл. Полную комнату дыму и напустил. Такая вонь, что...

Ялмар. Да что ты!

Гина. А потом еще лучше. Надо было загасить огонь – он и выплесни туда всю воду из умывальника!.. Такую грязищу на полу развел, безобразие!

Ялмар. Досадно.

Гина. Я позвала привратницу прибрать там у него, у пачкуна. Но теперь раньше как после обеда туда и войти нельзя.

Ялмар. Куда же он пока девался?

Гина. Пошел пройтись, сказал.

Ялмар. Я тоже заходил к нему на минут... когда та ушла за провизией.

Гина. Слышала. Позвал его к завтраку.

Ялмар. Ну, понимаешь, так, немножко перекусить до обеда. Для первого дня... неловко не пригласить. У тебя ведь всегда найдется что-нибудь.

Гина. Придется найти.

Ялмар. Только, пожалуйста, чтобы не в обрез было, Гина. Реллинг с Молвиком тоже, пожалуй, зайдут. Я, видишь ли, встретил Реллинга на лестнице, ну и пришлось...

Гина. Еще и эти двое!

Ялмар. Господи боже... куском, двумя больше или меньше! Не все ли равно?

Старик Экдал (*открывает свою дверь и выглядывает*). Послушай, Ялмар... (*Увидав Гину*). А-а?

Гина. Вам что-нибудь нужно, дедушка?

Экдал. Нет, нет, все равно. Гм! (*Скрывается*.)

Гина (*берет корзинку*). Пожалуйста, смотри за ним хорошенько, чтобы не ушел.

Ялмар. Да, да, постараюсь. Слушай, Гина, хорошо бы винегрету с селедкой... Реллинг и Молвик, должно быть, здорово кутнули ночью.

Гина. Только бы не нагрязнили раньше времени...

Ялмар. Нет, ничего, успеешь.

Гина. Ну, ладно. А ты еще успеешь поработать немножко.

Ялмар. Я же работаю! Изо всех сил работаю!

Гина. Вот, вот, и отделаешься от них. (*Уходит с корзинкой в кухню*.)

Ялмар сидит некоторое время, водя кисточкой по фотографии, работает вяло, с неохотой.

Экдал (*выглядывает, осматривается и тихо говорит*). Ты очень занят?

Ялмар. Да, сижу вот тут, вожусь с этими карточками.

Экдал. Ну-ну, разумеется!.. Если уж так занят... Гм! (*Скрывается, оставляя дверь открытой*.)

Ялмар (*молча продолжает некоторое время работать, потом кладет кисточку и идет к дверям комнаты старика*). А **ты** очень занят, отец?

Экдал (*бормочет у себя в комнате*). Если ты так занят, то и я тоже. Гм!

Ялмар. Ну, ладно. (*Возвращается к своей работе*.)

Экдал (*немного погодя опять показывается в дверях*). Гм! Видишь ли... я не то чтобы уж очень занят, Ялмар.

Ялмар. Мне показалось, ты писал.

Экдал. А, черт! Не может, что ли, Гробберг подождать денек или два лишних? Не горит, небось!

Ялмар. Разумеется. И ты ведь не батрак какой-нибудь.

Экдал. А там как раз надо уладить...

Ялмар. Вот, вот. Так тебе туда? Открыть тебе двери?

Экдал. Не мешало бы.

Ялмар (*вставая*). Да, мы бы уж отделались от этого.

Экдал. Вот, вот. К завтрашнему утру все должно быть готово. Завтра

ведь?.. Гм?

Ялмар. Завтра, завтра.

Вдвоем раздвигают двери, ведущие на чердак. В слуховые окна светит утреннее солнце. По чердаку пролетают голуби, другие, воркуя, сидят или расхаживают по сторонам. Из глубины чердака доносится время от времени кудахтанье.

Ну, принимайся, отец.

Экдал (*входит на чердак*). Мы разве не вместе?

Ялмар. Да, знаешь... пожалуй... (*Видит в дверях кухни Гину.*) Я? Нет, мне некогда. Работать надо... Да, вот только этот механизм... (*Тянет шнурок.*)

Двери чердака от самого потолка до полу затягиваются занавесом, нижняя часть которого состоит из полосы старой парусины, верхняя же – из куска растянутой рыболовной сети. Чердачного пола, таким образом, не видно.

(*Отходит к столу.*) Ну вот, теперь, надеюсь, дадут посидеть спокойно с часок.

Гина. Опять ему понадобилось туда, повозиться?

Ялмар. А лучше, если бы он побежал к мадам Эриксен? (*Садится.*) Тебе что-нибудь надо? Ты ведь сказала...

Гина. Я хотела только спросить, как по-твоему – здесь накрыть?

Ялмар. Да, верно, никто так рано не заберется?

Гина. Нет. Я никого и не жду сегодня, кроме той парочки, которая хочет сняться вместе.

Ялмар. Черт! Не могут сняться в другой раз!

Гина. Ничего, милый мой, я велела им прийти после обеда, когда ты спишь.

Ялмар. Ну, тогда хорошо. Так мы тут расположимся.

Гина. Да, да. Накрывать еще рано. Стол мне пока не нужен. Так ты седи себе, пользуйся.

Ялмар. Видишь, кажется, пользуюсь, сколько могу!

Гина. Зато потом и гуляй себе. (*Уходит опять в кухню.*)

Небольшая пауза.

Экдал (в дверях чердака, за сеткой). Ялмар!

Ялмар. Ну?

Экдал. Боюсь, все-таки придется переставить корыто.

Ялмар. Я же все время говорил тебе.

Экдал. Гм... гм... гм... (Отходит от дверей.)

Ялмар работает немножко, потом косится на чердак и привстает. Хедвиг выходит из кухни.

Ялмар (быстро опускается на стул). Тебе что?

Хедвиг. Я так, заглянуть к тебе, папа.

Ялмар (немного погодя). Что ты тут бродишь, ищешь? Караулить, что ли, послали?

Хедвиг. Совсем нет.

Ялмар. Чем там мать занята?

Хедвиг. Мама вся ушла в винегрет. (Подходит к столу.) Не могу ли я немножечко помочь тебе, папа?

Ялмар. Нет! Лучше уж я один всюду и везде... пока сил хватит!.. Не бойся, Хедвиг, пока отец твой не надорвется...

Хедвиг. О нет, папа, не говори так!.. Нехорошо! (Ходит по комнате, останавливается у дверей чердака и заглядывает туда.)

Ялмар. Что он там делает?

Хедвиг. Должно быть, хочет проложить новую дорожку к корыту.

Ялмар. Никогда ему не справиться одному! А я сиди тут, как прикованный!

Хедвиг (подходит к нему). Дай мне кисточку, папа... Я умею.

Ялмар. Глупости. Только глаза портить.

Хедвиг. Вовсе нет. Давай, давай кисточку.

Ялмар (встает). Положим, мне и надо-то всего на минутку, на две, не больше.

Хедвиг. Ну, так что же мне может сделаться? (Берет кисточку.) Вот так. (Усаживается.) А вот и образец.

Ялмар. Только не испорть глаза! Слышишь? Я не хочу отвечать за тебя... Сама тогда на себя пеняй, слышишь!

Хедвиг (работая). Да, да, хорошо.

Ялмар. А ты очень способная, Хедвиг. Только на две минутки, понимаешь. (Проскальзывает за занавес на чердак.)

Хедвиг работает. Слышно, как Ялмар и Экдал о чем-то спорят на

чердаке.

(Выходит из-за сетки.) Хедвиг, подай мне клещи с полки. И молоток. *(Оборачиваясь назад.)* Вот ты увидишь, отец. Дай мне только показать тебе, как я придумал!

Хедвиг, достав с полки нужные инструменты, передает их ему.

Спасибо. Как раз, знаешь, вовремя подоспел к нему. *(Отходит от дверей.)*

На чердаке слышится постукивание молотка и разговор. Хедвиг стоит и смотрит сквозь сетку. Немного спустя раздается стук во входную дверь. Хедвиг не слышит.

Грегерс Верле *(без шляпы, без пальто, входит и останавливается у дверей)*. Гм!..

Хедвиг *(оборачивается и идет ему навстречу)*. Здравствуйте. Пожалуйста, входите.

Грегерс. Благодарю. *(Глядит по направлению чердака.)* У вас тут кто-нибудь есть?

Хедвиг. Нет, это папа с бабушкой. Я позову их.

Грегерс. Не надо, не надо. Я лучше подожду немножко. *(Садится на диван.)*

Хедвиг. Тут такой беспорядок... *(Хочет прибрать карточки.)*

Грегерс. Оставьте, не беспокойтесь. Это карточки, которые надо отретушировать?

Хедвиг. Да, я тут немножко помогаю папе.

Грегерс. Так вы не стесняйтесь меня. Пожалуйста!

Хедвиг. Нет, нет. *(Садится, придвигает к себе все нужные предметы и принимается за работу.)*

Грегерс молча смотрит на нее некоторое время.

Грегерс. Дикая утка хорошо почивала сегодня?

Хедвиг. Благодарю вас. Должно быть.

Грегерс *(повернувшись в сторону чердака)*. При дневном свете совсем другой вид, чем вчера при лунном.

Хедвиг. Да, удивительно, как меняется. Утром совсем другой вид, чем

вечером. И когда дождь идет, тоже совсем другой, чем в хорошую погоду.

Грегерс. Вы это подметили?

Хедвиг. Да ведь сразу видно.

Грегерс. А вы тоже любите бывать там, у дикой утки?

Хедвиг. Да, когда удастся...

Грегерс. Но у вас, пожалуй, мало свободного времени. Вы, конечно, ходите в школу?

Хедвиг. Нет, больше не хожу. Папа боится, что я глаза испорчу.

Грегерс. Так он сам с вами занимается?

Хедвиг. Папа обещал заниматься со мной, да вот все некогда ему.

Грегерс. И никто другой вам не помогает?

Хедвиг. Помогает. Кандидат Молвик. Но он не всегда... в порядке... так что...

Грегерс. Пьет?

Хедвиг. Должно быть.

Грегерс. Ну, значит, досуг у вас есть. А там, надо полагать, совсем особый мир, не так ли?

Хедвиг. Совсем особый. Там столько диковинок.

Грегерс. Да?

Хедвиг. Да. Там большие шкафы с книгами, а многие книги с картинками.

Грегерс. Вот как!

Хедвиг. И еще там есть старая шифоньерка с ящичками и дверцами и большие часы с фигурками, которые выскакивают. Только часы больше не ходят.

Грегерс. Так время остановилось там – у дикой утки.

Хедвиг. Да. А еще там есть старый ящик с красками И все такое. И книги, книги!..

Грегерс. И вы их, верно, читаете?

Хедвиг. Да, когда удастся. Только там все больше английские, а я не понимаю по-английски. Но тогда я смотрю картинки. Там есть одна большущая книга под названием «Harryson's History of London». Ей, верно, лет сто. И в ней столько картин! На самой первой – смерть с песочными часами в руках и девушка. Мне это не нравится. Зато на других картинах все церкви, замки, улицы или большие корабли плывут по морю под парусами.

Грегерс. Откуда же у вас все эти редкости?

Хедвиг. А, знаете, тут жил когда-то старик моряк, капитан, он и понавез все это из своих плаваний. Его звали «летучим голландцем». Так

странно! Он вовсе не был голландцем.

Грегерс. Нет?

Хедвиг. Нет. Но наконец он пропал совсем. А это все так и осталось.

Грегерс. А скажите мне, когда вы сидите там и смотрите картинки, вам самой не хочется поглядеть на белый свет?

Хедвиг. Не-ет! Я хочу всегда жить дома и помогать папе с мамой.

Грегерс. Ретушировать карточки?

Хедвиг. Нет, не одно это. Мне больше всего хотелось бы выучиться гравировать такие картинки, как в английских книгах.

Грегерс. Гм... А что отец ваш на это говорит?

Хедвиг. Ему это, видно, не нравится. Папа на этот счет такой странный.

Представьте, он говорит, что мне лучше учиться плести корзинки и разные вещи из соломы! Ну что тут хорошего?

Грегерс. И по-моему, ничего особенного.

Хедвиг. Но папа прав, что, если бы я выучилась плести, я могла бы сплести новую корзинку для дикой утки.

Грегерс. Могли бы, конечно. И кому же ближе этим заняться, как не вам.

Хедвиг. Да, утка ведь моя.

Грегерс. То-то и есть.

Хедвиг. Как же, моя собственная. Но я даю ее папе и дедушке в долг, сколько они хотят.

Грегерс. Вот как? А на что же она им?

Хедвиг. Они с нею возятся, что-то устраивают для нее и все такое.

Грегерс. Могу себе представить. Дикая утка, конечно, самая важная персона там на чердаке.

Хедвиг. Да еще бы, это ведь настоящая дикая птица. И ее жалко. Ей не с кем водиться, бедняжке.

Грегерс. У нее нет семьи, как у кроликов...

Хедвиг. Да. Кур тоже много, и все они выросли вместе. А она совсем одинока, разлучена со всеми своими. И вообще над ней точно тайна какая: никто ее не знает, никто не ведает, откуда она.

Грегерс. И, кроме того, она побывала в пучине морской.

Хедвиг (*кидает на него беглый взгляд, подавляет улыбку и говорит*). Почему это вы говорите: в пучине морской?

Грегерс. А как же иначе сказать?

Хедвиг. Да просто: на дне моря или на дне морском.

Грегерс. Ну не все ли равно сказать: в пучине морской?

Хедвиг. Мне всегда так странно кажется, когда другие говорят: в пучине морской.

Грегерс. Почему же? Скажите.

Хедвиг. Нет, не скажу. Это так глупо.

Грегерс. Не думаю; скажите же мне, почему вы улыбнулись?

Хедвиг. Потому что всегда, когда я вдруг так сразу вспомню обо всем там, – все это помещение со всем, что есть там, представляется мне пучиной морской. Понятно, это глупо.

Грегерс. Не говорите.

Хедвиг. Да ведь это же просто чердак.

Грегерс (*пристально смотрит на нее*). А вы так уверены в этом?

Хедвиг (*удивленно*). Что это чердак?

Грегерс. Да, вы вполне в этом убеждены?

Хедвиг молча смотрит на него с открытым ртом. Гина выходит из кухни со скатертью. Грегерс встает.

Я, кажется, забрался к вам чересчур рано?

Гина. Что ж, надо же вам куда-нибудь деваться. Да скоро и готово будет. Убери со стола, Хедвиг.

Хедвиг убирает со стола и затем помогает матери накрывать на стол.

Грегерс садится в кресло и перелистывает альбом.

Грегерс. Я слышал, вы умеете ретушировать, фру Экдал.

Гина (*косясь на него*). Да-а, умею.

Грегерс. Как это к стати пришлось.

Гина. Как к стати?

Грегерс. Да вот, когда Экдал вздумал сделаться фотографом.

Хедвиг. Мама умеет и снимать.

Гина. Да, довелось и этому обучиться.

Грегерс. Так, пожалуй, вы и ведете все дело?

Гина. Когда Экдалу некогда, то...

Грегерс. Он, верно, много времени посвящает старику отцу?

Гина. Да. И кроме того, разве это дело для такого человека, как Экдал, снимать тут портреты со всех и каждого?

Грегерс. Я то же думаю. Но раз он взялся за это дело, то...

Гина. Господин Верле, конечно, понимает, что Экдал не какой-нибудь

простой фотограф.

Грегерс. Положим, но все-таки...

На чердаке раздастся выстрел.

(Вздрагивая.) Что это?

Гина. У! Опять они палят.

Грегерс. Они еще и стреляют?

Хедвиг. Это они охотятся.

Грегерс. Что такое?! *(Подходя к дверям чердака.)* Ты охотишься, Ялмар?

Ялмар *(за сеткой)*. Ты уж пришел? А я и не знал. Так был занят... Хедвиг, ты что же нам не скажешь? *(Выходит.)*

Грегерс. Так ты и стреляешь на чердаке?

Ялмар *(показывая двустольный пистолет)*. Всего-навсего из этого вот.

Гина. Да вы с дедушкой еще наделаете бед с этим левольвером.

Ялмар *(с раздражением)*. Я, кажется, уж говорил, что такое огнестрельное оружие называется револьвером.

Гина. Ну, от этого оно не станет лучше, я думаю.

Грегерс. Так и ты сделался теперь охотником, Ялмар?

Ялмар. Ну, так, иной раз кроликов постреляем немножко... Больше все ради старика, ты понимаешь.

Гина. Мужчины такой уж народ, им все надо рассеянничать.

Ялмар *(с раздражением)*. Конечно, нам нужно иногда рассеяться.

Гина. Ну вот, и я аккурат то же говорю.

Ялмар. Ну! Гм... *(Грегерсу.)* И видишь ли, так удачно – чердак совсем в стороне, никто не слышит, как мы тут стреляем. *(Кладет пистолет на самую верхнюю полку.)* Не трогать пистолета, Хедвиг! Один ствол заряжен. Помни.

Грегерс *(смотрит сквозь сетку)*. У вас и охотничье ружье есть, как вижу.

Ялмар. Это старое ружье отца. Оно уж не стреляет, замок что-то попортился. Но все-таки довольно занимательная штука. Его можно разбирать, чистить, смазывать и опять собирать... Конечно, это все больше отец возится.

Хедвиг *(около Грегерса)*. Вот теперь вы можете хорошенько рассмотреть дикую утку.

Грегерс. Я как раз на нее и смотрю. У нее одно крыло что-то повисло,

кажется.

Ялмар. Оно и не удивительно, она ведь была подстрелена.

Греггерс. И одну ногу слегка волочит. Или нет?

Ялмар. Пожалуй, чуточку.

Хедвиг. За эту ногу ее собака схватила.

Ялмар. А то вообще она как ни в чем не бывало. И это поистине удивительно, если вспомнить, что в нее попал заряд дроби да еще она побывала в зубах у собаки...

Греггерс (*бросив взгляд на Хедвиг*)...И что она побывала в пучине морской... так долго...

Хедвиг (*улыбаясь*). Да.

Гина (*хлопчет у стола*). Да, уж эта диковинная утка. Ухаживают за ней, как за принцессой.

Ялмар. Гм! Скоро будет готово? Гина. Сию минуту. Хедвиг, поди-ка подсоби мне.

Гина и Хедвиг уходят в кухню.

Ялмар (*вполголоса*). Мне думается, тебе бы лучше не стоять тут и не глядеть на старика. Он не любит.

Греггерс отходит от дверей чердака.

И лучше я закрою, пока остальные не пришли. (*Машет руками.*) Кшшш-кшшш! Прочь пошли! (*Поднимает занавес и закрывает двери.*) Вся эта механика – моя выдумка. Оно довольно занимательно придумывать и устраивать тут все такое, чинить и исправлять, когда портится. Да и кроме того, это вот приспособление решительно необходимо: Гина не любит, чтобы кролики и куры забирались сюда в ателье.

Греггерс. Ну, разумеется, должно быть, жена твоя и правит здесь всем?

Ялмар. Я вообще предоставляю ей текущие дела. Тогда я могу выбрать время уединиться у себя и заняться тем, что поважнее.

Греггерс. Чем же именно, Ялмар?

Ялмар. Удивляюсь, как ты до сих пор не спросил об этом, или ты, пожалуй, не слыхал об изобретении?

Греггерс. Об изобретении?

Ялмар. Неужели не слыхал? Ну да там у вас, в лесных дебрях...

Греггерс. Так ты изобрел что-то?

Ялмар. Не совсем еще изобрел. Но я занят этим. Ты, конечно,

понимаешь, что если я решился посвятить себя фотографии, то не для того же, чтобы только снимать тут всякого встречного и поперечного.

Грегерс. Ну конечно. Так и жена твоя сейчас мне говорила.

Ялмар. Я поклялся, что если уж посвящу свои силы этому ремеслу, то подниму его так высоко, что оно станет настоящим искусством и наукой, И вот я решил сделать это замечательное изобретение.

Грегерс. А в чем же оно состоит? Какая его цель?

Ялмар. Видишь ли, милый мой, ты пока не спрашивай о деталях. На все это нужно время, понимаешь. И ты не думай, что мною руководит тщеславие. Я работаю, разумеется, не для себя лично. Нет, передо мной и днем и ночью стоит задача моей жизни.

Грегерс. Какая же это задача?

Ялмар. Ты забыл старца, убеленного сединами?

Грегерс. Твоего бедного отца. Да, но что же ты можешь, в сущности, сделать для него?

Ялмар. Могу воскресить в нем чувство собственного достоинства, восстановив честь и славу имени Экдала.

Грегерс. Так вот она, задача твоей жизни!

Ялмар. Да. Я хочу спасти потерпевшего крушение старца; ведь он, знаешь, потерпел кораблекрушение уже тогда, когда гроза над ним только разразилась. Пока длилось это ужасное следствие, он уже перестал быть самим собою. Пистолет этот... из которого мы стреляем кроликов... да, он сыграл роль в трагедии нашего рода.

Грегерс. Пистолет? Как так?

Ялмар. Когда был произнесен приговор и ему предстояло отправиться в тюрьму... он держал пистолет в руке...

Грегерс. Держал!..

Ялмар. Да. Но он не решился. Он струсил. Так он уже опустил, так ослаб душой. Ах, поймешь ли ты это? Он, офицер, уложивший девять медведей, потомок двух подполковников... то есть в хронологическом порядке, разумеется... Поймешь ли ты это, Грегерс?

Грегерс. Да, я вполне понимаю.

Ялмар. А я нет. И затем пистолет вторично сыграл роль в истории нашей семьи. Когда на отца надели серое одеяние и посадили под замок... О-о! Это было для меня ужасное время, поверь! У меня на обоих окнах были спущены шторы. И когда я тайком выглядывал из-за них на улицу и видел, что солнце светит по-прежнему, я не понимал этого; видел, что люди проходят, смеются, разговаривают о чем-то... и не понимал этого. Мне казалось, что вся жизнь должна замереть, остановиться, как во время

солнечного затмения.

Грегерс. У меня было такое же чувство, когда умерла мать.

Ялмар. В такую-то минуту Ялмар Экдал и приставил пистолет к своей груди.

Грегерс. Так и ты хотел!..

Ялмар. Да.

Грегерс. Но ты не выстрелил?

Ялмар. Нет. В решительный момент я одержал над собой победу. Я остался жить. И, поверь, нужно было иметь много мужества, чтобы выбрать жизнь при таких условиях.

Грегерс. Да... это кто как смотрит.

Ялмар. Нет, это безусловно так. Но это было к лучшему. Теперь мое изобретение не за горами, и доктор Реллинг полагает, как и я, что отцу возвратят тогда право носить мундир. Я потребую этого как единственной награды себе.

Грегерс. Так это насчет мундира он так?..

Ялмар. Да, у него только об этом и думы и заботы. Ты не можешь себе представить, как мне больно за него. Всякий раз, как у нас бывает маленький семейный праздник – день нашей свадьбы с Гиной или что-нибудь такое, – старец выходит в своем офицерском мундире былых, счастливых времен. Но чуть раздастся стук в двери, он улепетывает к себе со всех своих стариковских ног, он ведь не смеет показываться в таком виде посторонним. Каково сыновнему сердцу видеть подобное унижение!

Грегерс. А в какой срок ты думаешь закончить свое изобретение?

Ялмар. Ну, господи боже мой, о таких деталях, как срок, разве можно спрашивать! Изобретение – это такое дело, что тут сам себе не господин. Тут многое зависит от настроения... вдохновения... И почти невозможно заранее назначить срок.

Грегерс. Но все-таки дело ведь подвигается?

Ялмар. Разумеется, подвигается. Я каждый день, без исключения, вожусь с этим изобретением; оно меня всего захватило. Каждый день, как только отобедаю, запираюсь в нашей комнате, чтобы на свободе предаться мыслям. Но только не надо торопить меня. От этого толку не будет. Это и Реллинг говорит.

Грегерс. А по-твоему, все эти затеи на чердаке не отвлекают тебя, не рассеивают твоих мыслей?

Ялмар. Нет, нет, напротив. И не говори. Не могу же я вечно ломать себе голову, да еще над такими труднейшими проблемами. Мне нужно чем-нибудь наполнять промежутки, когда я жду настроения, вдохновения. Уж

когда оно придет – так придет.

Грегерс. Милый Ялмар, мне думается, и в тебе есть что-то от дикой утки.

Ялмар. Дикой утки? Как ты это понимаешь?

Грегерс. Ты нырнул на дно и увяз в водорослях, в тине.

Ялмар. Ты, пожалуй, намекаешь на тот почти смертельный выстрел, который перебил крылья отцу... да и мне?

Грегерс. Не совсем так. Я не хочу сказать, что ты искалечен, но ты увяз в гнилом болоте, Ялмар, заразился миазмами и нырнул на дно, чтобы умереть во мраке.

Ялмар. Я? Умереть во мраке! Нет, знаешь, Грегерс, брось ты подобные разговоры.

Грегерс. Будь спокоен. Я постараюсь вытащить тебя на поверхность. И я, видишь ли, нашел себе цель жизни – со вчерашнего дня.

Ялмар. Очень может статься. Но только меня ты уж оставь в покое. Могу тебя уверить, что – если, разумеется, не считать моей легко объяснимой душевной меланхолии – я вполне счастлив, насколько лишь может пожелать человек.

Грегерс. То, что ты счастлив, это тоже лишь следствие той отравы.

Ялмар. Нет, милый Грегерс, будет тебе болтать о миазмах да о заразе. Я совсем не привык к таким разговорам. У меня в доме никогда не говорят ничего такого неприятного.

Грегерс. Еще бы! Этому можно поверить.

Ялмар. Да, мне это вредно. И никаких болотных миазм тут нет. Не роскошно живет бедный фотограф, – я не скрываю этого от себя... Скромна его доля... Но я изобретатель и к тому же кормилец семьи. Это и поддерживает меня и возвышает над моей скромной долей... А! Вот несут и завтрак!

Гина и Хедвиг несут бутылку пива, графинчик с водкой, стаканы и прочее.

В это время из входной двери появляются Молвик и Реллинг, оба без шляп и без пальто. Молвик в черной паре.

Гина (*ставя бутылки на стол*). Эти двое, небось, не опоздают.

Реллинг. Молвику показалось, что он почуял запах винегрета, – его и не удержать. Еще раз здравствуйте, фру Экдал.

Ялмар. Грегерс, позволь тебе представить кандидата Молвика. А это доктор... да, Реллинга ты ведь знаешь?

Греггерс. Немножко.

Реллинг. Э, да это господин Верле младший. Да, мы с вами поцапались немножко там, на заводе в Горной долине. Вы, кажется, только что переехали сюда?

Греггерс. Сегодня утром.

Реллинг. А под вами помещаемся мы с Молвиком, так что вам недалеко ходить за доктором и за пастором, если понадобится.

Греггерс. Благодарю. Это может-таки случиться. Вчера нас сидело за столом тринадцать.

Ялмар. Ах, опять ты с неприятностями.

Реллинг. Тебе нечего волноваться, Экдал, тебя это, конечно, минует.

Ялмар. Очень бы желал этого, ради семьи... Ну, давайте сядем, будем есть, пить и веселиться.

Греггерс. Мы разве не подождем твоего отца?

Ялмар. Нет, он велел подать себе потом в свою комнату. Садись!

Мужчины садятся за стол, едят и пьют. Гина, Хедвиг входят и выходят прислуживая.

Реллинг. Вчера Молвик невероятно разбушевался, фру Экдал.

Гина. Вот как? Вчера опять?

Реллинг. Вы не слышали, когда я привел его домой ночью?

Гина. Нет, что-то не слыхала.

Реллинг. И хорошо. А то он просто беда как шумел.

Гина. Неужели правда, Молвик?

Молвик. Поставим крест на событиях ночи. Мое лучшее «я» тут ни при чем.

Реллинг (Греггерсу). На него иногда находит – словно наваждение, и тогда мне остается только идти с ним кутить. Дело в том, что наш кандидат Молвик, видите ли, демоническая натура.

Греггерс. Демоническая?

Реллинг. Да, демоническая.

Греггерс. Гм...

Реллинг. А демонические натуры не таковы, чтобы идти в жизни по прямой дорожке, – нет, нет, да и свернут в сторону... Ну, а вы все сидите там, на этом скверном, закоптелом заводе?

Греггерс. Сидел до сих пор.

Реллинг. Что же, вы получили наконец сполна по своим «требованиям», которые все предъявляли там?

Грегерс. Требованиям? *(Поняв.)* Ах, да.

Ялмар. Ты предъявлял векселя, Грегерс?

Грегерс. А, пустяки.

Реллинг. Предъявлял-таки. Обходил там всех обывателей, предъявляя к ним какие-то «идеальные требования», как он выражался.

Грегерс. Я был тогда молод.

Реллинг. Совершенно верно, вы были чрезвычайно молоды. И ваши «идеальные требования» так ни разу и не были удовлетворены, пока я жил там.

Грегерс. И после тоже.

Реллинг. Ну, и вы, надеюсь, настолько поумнели с тех пор, чтобы немножко посбавить со своих требований?

Грегерс. Никогда, если передо мной настоящий человек.

Ялмар. Что ж, это вполне резонно, я полагаю... Дайка немножко масла, Гина.

Реллинг. И кусок сала Молвику.

Молвик. Брр! Только не сала!

Стук в чердачную дверь.

Ялмар. Открой, Хедвиг, дедушка хочет выйти.

Хедвиг идет и немного отодвигает одну половину дверей. Старик Экдал выходит со шкуркой кролика. Хедвиг опять задвигает дверь.

Экдал. Здравствуйте, господа! Отлично поохотился. Вон какого матерого застрелил.

Ялмар. И освежевал – без меня!..

Экдал. И даже посолил. Отличное, нежное мясо у кроликов! И такое сладкое! Просто сахар... Приятного аппетита, господа! *(Уходит к себе.)*

Молвик *(вскакивая)*. Извините... я не могу... мне надо поскорее вниз...

Реллинг. Да выпей содовой водицы, дружище!

Молвик *(бежит к дверям)*. У!.. у!.. *(Выбегает.)*

Реллинг *(Ялмару)*. Выпьем за здоровье старого охотника!

Ялмар *(чокаясь с ним)*. За спортсмена, стоящего на краю могилы!

Реллинг. За убеленного сединами!..

Пьют.

Кстати, скажи мне, он, в сущности, только с проседью или совсем белый, как лунь?

Ялмар. Как тебе сказать? И так и этак. В сущности-то, у него уж немного осталось волос на маковке.

Реллинг. Ну, ведь и с париком люди живут. А счастливый ты, в сущности, человек, Экдал! Ты задался прекрасной задачей! Тебе есть к чему стремиться...

Ялмар. Я и стремлюсь, поверь.

Реллинг. А потом, у тебя такая славная жена... Гляди, как суетится и шмыгает тут в своих войлочных туфлях, раскачивая бедрами... хлопчет, печется о тебе.

Ялмар. Да, Гина... (*Кивает ей.*) Ты славная подруга и спутница жизни.

Гина. Ну-ну, нечего вам меня критиковать.

Реллинг. И еще Хедвиг, Экдал, а?

Ялмар (*растроганно*). Девочка – да! Девочка прежде всего. Хедвиг, поди ко мне. (*Гладит ее по голове.*) А что за день у нас завтра, а?

Хедвиг (*тормошит его*). Ну, не надо говорить, папа!

Ялмар. Просто ножом по сердцу, как подумаешь, что нельзя отпраздновать этот день поторжественнее. Что же... всего-навсего праздничное убранство на чердаке...

Хедвиг. Так ведь это же будет прелесть, папа!

Реллинг. Вот погоди, дождемся мы с тобой этого удивительного изобретения, Хедвиг!

Ялмар. Да, да! Тогда увидишь!.. Хедвиг, я решил обеспечить твою будущность. Ты хорошо проживешь свой век. Я потребую кое-чего для тебя... Это и будет единственной наградой бедному труженику.

Хедвиг (*обвивая руками его шею, шепчет*). Милый, милый папочка!

Реллинг (*Грегерсу*). Ну как по-вашему, не хорошо разве для разнообразия посидеть за обильно уставленным столом в счастливом семейном кругу?

Ялмар. Да, эти часы за столом я высоко ценю.

Грегерс. Что до меня, то мне не по себе среди болотных испарений.

Реллинг. Болотных испарений?

Ялмар. Опять ты со своей чепухой!

Гина. Тут, слава богу, никаким болотом не пахнет, господин Верле! Каждый божий день проветриваю...

Грегерс (*выходя из-за стола*). Вряд ли вам удастся выветрить ту вонь, которую я подразумеваю.

Ялмар. Вонь!

Гина. Нет, ты подумай, Экдал!

Реллинг. Извините, да не сами ли вы принесли с собой этот гнилой запах из ваших заводских трущоб?

Грегерс. С вас станется назвать гнилью то, что я внесу с собой в этот дом.

Реллинг (*подходя к нему*). Послушайте, вы, господин Верле младший! Я сильно подозреваю, что вы и сюда явились с вашими неурезанными «идеальными требованиями» в заднем кармане.

Грегерс. Я ношу их в груди.

Реллинг. Ну, где бы вы их там не носили, черт побери, только не советую вам предъявлять их здесь, пока я тут.

Грегерс. А если я все-таки осмелюсь?

Реллинг. Тогда вас спустят с лестницы, так и знайте!

Ялмар (*встает*). Но, Реллинг!

Грегерс. Ну что же, спустите...

Гина (*становясь между ними*). Нет, этого вам не позволят, Реллинг. Но вам я скажу тоже, господин Верле, не вам бы толковать о вони после того, что вы настряпали там у себя с печкой!

Стук во входную дверь.

Хедвиг. Мама, стучат.

Ялмар. Ну вот, еще притащился кто-то вдобавок!

Гина. Постой, я сейчас посмотрю... (*Идет, открывает дверь и отступает пораженная.*) Ох!..

Верле (*в меховом пальто, переступая порог*). Извините, пожалуйста, но, говорят, сын мой живет здесь.

Гина (*задыхаясь от волнения*). Да.

Ялмар (*подходя к Верле*). Не угодно ли господину коммерсанту пожаловать?

Верле. Благодарю. Мне надо только поговорить с моим сыном.

Грегерс. Что скажешь? Я здесь.

Верле. Я желаю поговорить с тобой у тебя.

Грегерс. У меня?.. Ну... (*Хочет идти.*)

Гина. Нет, ей-богу, там такой беспорядок, что...

Верле. Так в коридоре, что ли. Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Ялмар. Вы можете поговорить здесь, господин коммерсант. Перейдем в гостиную, Реллинг.

Ялмар и Реллинг уходят в двери направо. Гина и Хедвиг в кухню.

Грегерс (*после небольшой паузы*). Ну вот, теперь мы наедине.

Верле. Ты вчера намекал... И раз ты затем перебрался к Экдалу, мне остается предположить, что у тебя есть какой-то умысел против меня.

Грегерс. Умысел – открыть глаза Ялмару Экдалу. Пусть он увидит свое положение в настоящем свете. Вот и все.

Верле. Так это и есть та цель жизни, о которой ты говорил вчера?

Грегерс. Да. Ты не оставил мне никакой другой.

Верле. Разве я исковеркал твою душу, Грегерс?

Грегерс. Ты исковеркал всю мою жизнь. Я говорю уже не насчет матери... Но тебе я обязан, что мучусь теперь угрызениями совести.

Верле. Ах, теперь уж и совесть не в порядке!

Грегерс. Мне следовало бы выступить против тебя еще тогда, когда расставлялись сети лейтенанту Экдалу. Мне следовало бы предупредить его, так как я догадывался, к чему клонится дело.

Верле. Да, в таком случае тебе бы не следовало молчать.

Грегерс. У меня духу не хватило. Так я был запуган, труслив. Я страшно боялся тебя... и тогда и еще долго потом.

Верле. Теперь, как видно, страх этот прошел.

Грегерс. К счастью. Этого греха перед стариком Экдалом, и моего и... других лиц, не загладить никогда. Но Ялмара я могу еще высвободить из этих сетей лжи и обмана, в которых он запутался и готов погибнуть.

Верле. Ты думаешь сделать этим доброе дело?

Грегерс. Вполне, надеюсь.

Верле. Ты, кажется, считаешь фотографа Экдала человеком, который способен поблагодарить тебя за такую дружескую услугу?

Грегерс. Да! Он такой человек.

Верле. Гм... увидим.

Грегерс. И кроме того... если мне вообще жить на свете, я должен постараться найти лекарство для своей больной совести.

Верле. Ей никогда не выздороветь. У тебя с детских лет чахлая совесть. Это ты унаследовал от матери, Грегерс... Другого наследства она тебе и не оставила.

Грегерс (*с презрительной усмешкой*). Ты все еще не можешь переварить того, что промахнулся, полагая взять за нею большое состояние?

Верле. Не будем уклоняться в сторону... Ты, следовательно, твердо намерен навести фотографа Экдала на след, который считаешь верным?

Грегерс. Да. Это мое твердое намерение.

Верле. Ну, в таком случае я мог бы и не трудиться подниматься сюда. Пожалуй, нечего тебя и спрашивать, согласен ли ты вернуться домой, ко мне?

Грегерс. Да. Нечего.

Верле. И в фирму, вероятно, тоже не пожелаешь вступить?

Грегерс. Нет.

Верле. Прекрасно. Но так как я собираюсь теперь вторично жениться, то нам нужно будет разделить имущество.

Грегерс (*быстро*). Нет, я не желаю этого.

Верле. Ты не желаешь?

Грегерс. Совесть мне не позволяет.

Верле (*немного погодя*). Ты опять отправишься на завод?

Грегерс. Нет. Я считаю, что больше не служу у тебя.

Верле. Но что же ты намерен делать?

Грегерс. Достигнуть цели, которую себе поставил. Больше ничего.

Верле. Хорошо, а потом? Чем ты будешь жить?

Грегерс. У меня есть кое-какие сбережения.

Верле. Да надолго ли их хватит?

Грегерс. На мой век хватит, я думаю.

Верле. Что это значит?

Грегерс. Больше я отвечать тебе не буду.

Верле. Так прощай, Грегерс.

Грегерс. Прощай.

Верле уходит.

Ялмар (*выглядывает из гостиной*). Ушел, что ли? Грегерс. Да.

Ялмар и Реллинг входят. Гина и Хедвиг тоже приходят из кухни.

Реллинг. Пропал наш завтрак.

Грегерс. Одевайся, Ялмар, нам с тобой надо предпринять длинную прогулку.

Ялмар. С удовольствием. А зачем приходил твой отец? Что-нибудь насчет меня?

Грегерс. Пойдем, тогда и поговорим. Я зайду к себе накинуть пальто.

(Уходит.)

Гина. Не ходи ты с ним, Экдал.

Реллинг. И я скажу – не ходи. Оставайся там, где ты есть.

Ялмар (*берет шляпу и пальто*). Еще что! Друг юности чувствует потребность излить передо мной свою душу!..

Реллинг. Да черт побери, не видишь ты, что ли, – молодчик не в своем уме, свихнулся, помешан!

Гина. Слышишь? И у его матери тоже подчас бывали такие припадки.

Ялмар. Тем больше он нуждается в бдительном оке друга. (*Гине.*) Не запоздай, смотри, с обедом. Прощай пока. (*Уходит.*)

Реллинг. Экая досада, что этот молодчик не провалился сквозь землю там где-нибудь в шахтах!

Гина. Господи!.. Что вы говорите!

Реллинг (*бормочет*). Ну да, у меня на этот счет свои соображения.

Гина. По-вашему, молодой Верле и впрямь сумасшедший?

Реллинг. К несчастью, нет. Он помешан не больше, чем люди сплошь и рядом бывают помешаны. Но он все-таки не совсем в порядке, это верно.

Гина. Что же с ним такое?

Реллинг. А вот что, фру Экдал: он одержим горячкой честности.

Гина. Горячкой честности?

Хедвиг. Это такая болезнь, да?

Реллинг. Да, да, это наша национальная болезнь. Но проявляется она только спорадически. (*Кивая Гине.*) Спасибо за угощение! (*Уходит.*)

Гина (*беспокойно бродит по комнате*). Ах, этот Греггерс Верле! Всегда он был... таким пугалом.

Хедвиг (*стоя у стола, пытливо глядит на мать*). Как это все странно.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Павильон Ялмара Экдала. Посреди комнаты фотографический аппарат, покрытый сукном, пьедестал, два стула, консоль и т. п. Видно, что только что снимались. Время под вечер. Солнце готово скрыться, и немного спустя в комнате начинает смеркаться.

Гина (стоит во входных дверях с кассетой и мокрым негативом в руках и говорит кому-то в коридор). Да, да, будьте спокойны! Я уж что обещаю, то и сделаю. Первая дюжина будет готова к понедельнику... До свидания!

Слышно, как кто-то спускается с лестницы. Гина затворяет дверь, прячет негатив в кассету и ставит последнюю в прикрытый аппарат.

Хедвиг (выходит из кухни). Ушли?

Гина (прибирает в комнате). Да, слава богу, сплывила наконец.

Хедвиг. Но что ты скажешь, – папы до сих пор нет.

Гина. Ты точно знаешь, что его нет у Реллинга?

Хедвиг. Нету. Я сейчас бегала вниз по черному ходу и спрашивала.

Гина. И обед все стоит и стынет.

Хедвиг. Да, подумай! Папа всегда так аккуратно приходит домой к обеду!

Гина. Ну, теперь скоро придет, увидишь.

Хедвиг. Да, хоть бы пришел! А то мне как-то жутко делается.

Гина (вскрикивает). Вот он!

Из входной двери появляется Ялмар Экдал.

Хедвиг (бросаясь к нему). Папа! Уж как мы тебя ждали, ждали!

Гина (поглядывая на него искоса). Как ты замешкался, Экдал.

Ялмар (не глядя на нее). Да, запоздал немного. (Снимает пальто.)

Гина и Хедвиг хотят помочь ему, но он не дает.

Гина. Ты, пожалуй, пообедал с Верле?

Ялмар (вешая пальто). Нет.

Гина (*направляясь в кухню*). Так я подам тебе.

Ялмар. Нет, оставь. Я не стану теперь есть.

Хедвиг (*подходя к Ялмару*). Тебе нездоровится, папа?

Ялмар. Нездоровится? Нет, ничего. Мы с Греггерсом сделали довольно утомительную прогулку.

Гина. Это, пожалуй, не по тебе, Экдал. Ты к этому не привык.

Ялмар. Гм... Мало ли к чему приходится привыкать на этом свете! (*Бродит по комнате.*) Был кто-нибудь без меня?

Гина. Никого, кроме той парочки.

Ялмар. Новых заказов не было?

Гина. Сегодня нет.

Хедвиг. Увидишь, папа, завтра наверно будут.

Ялмар. Будем надеяться! С завтрашнего дня я полагаю серьезнейшим образом взяться за дело.

Хедвиг. Завтра! Ты разве забыл, какой завтра день?

Ялмар. Ах да... Ну, так послезавтра. Отныне я все буду делать сам. Я желаю справляться один со всей работой.

Гина. Да что же это будет, Экдал? Ты только расстроишься. Я уж управлюсь с фотографией, а у тебя свое дело – твоё изобретение.

Хедвиг. И дикая утка, папа... и куры, и кролики, и...

Ялмар. Не болтай ты мне об этих глупостях! С завтрашнего дня ноги моей больше не будет на чердаке.

Хедвиг. Но ты же обещал мне, папа, что завтра будет особое убранство!

Ялмар. Гм... да, да. Ну, так с послезавтрашнего. А этой проклятой дикой утке я готов шею свернуть!

Хедвиг (*вскрикивает*). Дикой утке!

Гина. Слыханное ли дело!

Хедвиг (*теребя Ялмара за рукав*). Нет, папа... ведь это же моя дикая утка!

Ялмар. Потому я и не трону ее. Духу не хватит... не хватит из-за тебя, Хедвиг. Но я глубоко чувствую, что следовало бы. Не надо бы мне терпеть в своем доме твари, побывавшей в тех руках.

Гина. Господи боже, из-за того, что дедушка получил ее от этого негодяя Петтерсена...

Ялмар (*бродит по комнате*): Есть известного рода требования... Как их назвать?... Скажем – идеальные требования... то есть требования, которыми нельзя поступаться без вреда для своей души.

Хедвиг (*идя за ним*). Но ты подумай – дикая утка... бедная дикая утка!

Ялмар (останавливаясь). Ты же слышишь, я не трону ее, ради тебя. Ни единого волоска не спадет с ее головы... Ну я сказал, что не трону ее. И кроме того, есть задачи поважнее, за которые надо взяться. Но теперь пора бы тебе пройтись, Хедвиг. Теперь как раз сумерки – тебе можно выйти.

Хедвиг. Мне сегодня не хочется.

Ялмар. Нет, иди. Ты что-то как будто шуришься. Тебе вредны все эти испарения. Тут такой спертый воздух, под этой крышей.

Хедвиг. Ну хорошо, я спущусь по черной лестнице и пробежусь немножко. Пальто и шляпка?.. Да ведь они у меня. Папа... так ты смотри, не обижай бедную дикуую утку, пока меня нет.

Ялмар. Ни единого пера не спадет с ее головы. (*Притягивает Хедвиг к себе.*) Ты и я, Хедвиг... Мы с тобою!.. Ну, ступай, ступай!

Хедвиг кивает родителям и уходит в кухню. Ялмар ходит по комнате потупясь.

Гина!

Гина. Что? Ялмар. С завтрашнего дня... или, скажем, с послезавтрашнего... я желал бы сам вести приходо-расходную книгу.

Гина. И книгу сам хочешь вести?

Ялмар. Или хоть проверять доходы.

Гина. Ах, господи, это-то невелик будет труд.

Ялмар. Что-то не верится... Сдается, уж больно долго ведутся у тебя деньги. (*Останавливаясь и глядя на нее.*) Как это объяснить?

Гина. Да много ли нам с Хедвиг нужно?

Ялмар. Правда ли, что старику так щедро платят за переписку у коммерсанта Верле?

Гина. Не знаю, щедро ли. Где мне знать, почем платят за такую работу?

Ялмар. Но сколько же он получает приблизительно? Говори!

Гина. Как когда. Выходит, я думаю, почти ровнехонько, во сколько старик обходится нам, да еще ему самому немножко остается на карманные расходы.

Ялмар. Во сколько он обходится нам! И ты этого не говорила мне до сих пор!

Гина. Да как же я могла? Ты так радовался, думая, что он все получает от тебя.

Ялмар. А выходит – от коммерсанта Верле!

Гина. О, коммерсанту есть из чего давать.

Ялмар. Зажги мне лампу!

Гина (*зажигает*). И потом мы не знаем, коммерсант ли это. Может статья, Гроберг.

Ялмар. К чему эти увертки?.. Гроберг!..

Гина. Да я же ничего не знаю. Я только подумала...

Ялмар. Гм!..

Гина. И не я достала дедушке переписку. Это все Берта, когда поступила к ним.

Ялмар. Что это у тебя голос как будто дрожит?

Гина (*надевает абазур*). Дрожит?

Ялмар. Да и руки трясутся. Неправда, что ли?

Гина (*твердо*). Скажи прямо, Экдал. Чего такого он наговорил тебе про меня?

Ялмар. Правда ли... может ли это быть, что... что ты была в таких отношениях с коммерсантом Верле, когда ты служила у него в доме?

Гина. Это неправда. Не тогда, нет. Он приставал ко мне, это правда. А барыня думала, что между нами есть что-то. И всякие фокусы выкидывала. И била и бранила меня... Я и отказалась от места.

Ялмар. Значит, после!

Гина. После я жила дома. А мать... она была совсем не такая правильная женщина, как ты думал, Экдал. Она стала мне говорить то да се... Верле тогда ведь овдовел уже.

Ялмар. Ну, и что же?

Гина. Да, пожалуй, уж лучше сказать тебе все. Он не отстал, пока не добился своего.

Ялмар (*всплескивая руками*). И это мать моего ребенка! И ты могла скрывать от меня подобное!

Гина. Да, это я нескладно сделала. Мне, пожалуй, давно бы следовало сказать тебе все.

Ялмар. Ты сразу же должна была сказать мне!.. Я бы знал тогда, какова ты.

Гина. Да разве ты бы все-таки женился на мне?

Ялмар. Как ты можешь воображать!

Гина. Вот то-то и есть. Оттого я и не посмела сказать тебе тогда же. Я ведь крепко полюбила тебя, ты знаешь. А кто ж себе самому враг? Не могла же я сама сделать себя вконец несчастной.

Ялмар (*ходит по комнате*). И это мать моей Хедвиг! Знать, что всем, что я вижу вокруг себя... (*отбрасывает ногами стул*) всем моим домашним очагом... я обязан счастливому предшественнику!.. О, этот искуситель

коммерсант Верле.

Гина. Ты раскаиваешься в этих четырнадцати-пятнадцати годах, что мы прожили вместе?

Ялмар (*останавливаясь перед ней*). Скажи мне, не каялась ли ты ежедневно, ежечасно в своем преступном молчании, которым ты, как паук паутиной, опутала меня? Отвечай! Тебя не мучили день и ночь угрызения совести?

Гина. Милый Экдал, я по уши увязла в хлопотах по хозяйству и во всех повседневных делах.

Ялмар. Так ты никогда не бросаешь испытующего взора на свое прошлое?

Гина. Ей-богу, я почти и позабыла все эти старые интрижки!

Ялмар. О, это тупое, бесчувственное равнодушие! Меня это прямо возмущает... Даже ни тени раскаяния!

Гина. Но скажи и ты мне, Экдал... что бы с тобой случилось, если бы тебе не попалась такая женщина, как я?

Экдал. Такая!..

Гина. Да, я-то ведь всегда была как-то пообстоятельнее и посolidней тебя. Оно и понятно – я постарше тебя двумя годами.

Ялмар. Что случилось бы со мной?

Гина. Ну да, ты ведь совсем сбился тогда с пути, перед тем как сойтись со мной. Не станешь же ты отпираться.

Ялмар. Ты называешь это сбиться с пути? Да где тебе понять, что творится с человеком, когда он в таком отчаянии... особенно человек с пламенной душой, как у меня.

Гина. Ну да, да, может статься. Я и не делаю тебе лепримандов. Ведь ты стал таким хорошим человеком, когда обзавелся своим домом... И вот мы было устроились так славно, хорошо. Скоро и мы с Хедвиг могли бы уж понемножку начать позволять себе кое-что лишнее из еды и одежды...

Ялмар. Да, живя в болоте лживого молчания!

Гина. Фу, это все тот отвратительный человек! Принесла же его нелегкая к нам в дом!

Ялмар. И мне казалось, что нам хорошо живется в лоне семьи. Это было заблуждение. Откуда мне теперь взять душевной упругости, необходимой, чтобы пересадить мое изобретение в мир действительности? Пожалуй, оно так и умрет теперь вместе со мной. И виною будет твое прошлое, Гина. Оно убило его во мне...

Гина (*готовая заплакать*). Нет, не говори так, Экдал. Я только всегда и думала, как бы угодить тебе!

Ялмар. Я спрашиваю – что теперь станется с мечтой кормильца семьи! Лежа, бывало, там на диване и ломая себе голову над изобретением, я уже предчувствовал, что оно поглотит последние мои силы. Я уже чувствовал, что день, когда я буду держать в своих руках патент, будет моим последним днем.

И моей мечтой было, что ты, вдова покойного изобретателя, будешь зато жить в почете и довольстве.

Гина (*утирая слезы*). Нет, не говори так, Экдал. Не дай бог мне дожить до того дня, когда я останусь вдовой! Ялмар. Э, теперь все равно! Теперь все пропало!

Грегерс Верле осторожно открывает входную дверь и заглядывает в комнату.

Грегерс. Можно войти?

Ялмар. Войди.

Грегерс (*входит с сияющим лицом, протягивая им руки*). Ну, дорогие мои!.. (*Переводит взгляд с одного на другого и шепчет Ялмару.*) Так еще не свершилось?

Ялмар (*громко*). Свершилось!

Грегерс. Да?

Ялмар. Я пережил горчайшие минуты моей жизни.

Грегерс. Но зато и самые высокие, я думаю.

Ялмар. Ну, пока, во всяком случае, дело сделано– и с плеч долой.

Гина. Бог вас прости, господин Верле!

Грегерс (*с величайшим изумлением*). Но я не понимаю...

Ялмар. Чего не понимаешь?

Грегерс. Такой великий расчет... расчет с прошлым... который позволит возвести на развалинах прошлого новое, прочное здание, начать новую жизнь, создать супружеский союз в духе истины, без всякой лжи и утайки...

Ялмар. Знаю, знаю, отлично знаю.

Грегерс. Я так был уверен, что, когда войду в дверь, мне навстречу брызнет яркий свет преобразования, совершившегося в душе мужа и жены. И вдруг этот мрак... что-то смутное, тяжелое, печальное...

Гина. Ах, вот что! (*Снимает абжур.*)

Грегерс. Вы не хотите понять меня, фру Экдал. Нет, нет. Вам, верно, еще нужно время... Но ты-то, Ялмар? Этот великий расчет с прошлым не мог же не воодушевить тебя.

Ялмар. Ну разумеется, так оно и есть. То есть с одной стороны.

Грегерс. Ведь что на свете может сравниться с чувством, которое

испытывает человек, даруя прощение заблудшей и возвышая ее до себя своей любовью!

Ялмар. Ты думаешь, человек скоро оправится после такой горькой чаши, какую я только что испил?

Грегерс. Обыкновенный человек, пожалуй, нет. Но такой человек, как ты!..

Ялмар. Да, господи боже мой, знаю, знаю. Но ты уж не очень подгоняй меня, Грегерс. Нужно время, видишь ли.

Грегерс. В тебе много сидит от дикой утки, Ялмар.

Реллинг входит.

Реллинг. Ну, опять дикая утка на сцене?

Ялмар. Охотничья добыча коммерсанта Верле с перебитым крылом, да.

Реллинг. Коммерсанта Верле?.. Вы уж теперь о н_е_м заговорили?

Ялмар. И о нем... и о нас.

Реллинг (*вполголоса Грегерсу*). Черт бы вас побрал!

Ялмар. Что ты говоришь?

Реллинг. Я выражаю искреннее пожелание, чтобы знахарь убирался восвояси. Не то он собьет тут с толку вас обоих.

Грегерс. Этих двух не сбить с толку, господин Реллинг. О Ялмаре я и говорить не стану. Его мы знаем. Но и она в глубине души, право, натура честная, на которую можно положиться.

Гина (*готовая заплакать*). И оставили бы вы меня, какая я ни на есть.

Реллинг (*Грегерсу*). Не очень дерзко будет спросить вас, что, собственно, нужно вам здесь в доме?

Грегерс. Мне нужно положить основание честному, истинному браку.

Реллинг. По-вашему, брак четы Экдал недостаточно хорош, как он есть?

Грегерс. Он, пожалуй, не хуже многих других, к сожалению. Но это еще не истинный брак.

Ялмар. Ты никогда не обращал внимания на идеальные требования, Реллинг!

Реллинг. Ерунда, милейший мой!.. Позвольте спросить, господин Верле, много ли – ну хоть приблизительно – видели вы истинных браков на своем веку?

Грегерс. Пожалуй, вряд ли хоть один.

Реллинг. И я тоже.

Греггерс. Но я видел бесчисленное множество браков противоположного характера. И имел случай близко наблюдать, как подобный брак может искалечить обоих супругов.

Ялмар. Человек может лишиться всяких нравственных устоев. В этом весь ужас.

Реллинг. Я, собственно, никогда не был женат по-настоящему и потому не смею судить об этих вещах. Но знаю все-таки, что к браку относится и ребенок. И ребенка вы должны оставить в покое.

Ялмар. О!.. Хедвиг!.. Моя бедная Хедвиг!

Реллинг. Да, не угодно ли вам не впутывать сюда Хедвиг. Вы оба люди взрослые. Вы себе путайтесь и распутывайтесь между собой, как знаете, коли есть охота. Но с Хедвиг вам надо быть поосторожней, говорю я. Не то недолго до беды! Ялмар. До беды!

Реллинг. Да. Она и себя может сделать несчастной... да, пожалуй, и других.

Гина. Да откуда вы это знаете, Реллинг?

Ялмар. Надеюсь, глазам ее не грозит...

Реллинг. Не в глазах тут дело. Но Хедвиг в опасном возрасте. Мало ли какие нелепости могут прийти ей в голову?

Гина. Да, представьте, на нее таки находит! Выдумала возиться с огнем в кухне. Говорит, что в пожар играет. Я уж и то все боюсь, не спалила бы дом.

Реллинг. Вот видите. Я так и знал.

Греггерс (*Реллингу*). Но чем же вы это объясните?

Реллинг (*хмуро*). Она в переходном возрасте, любезнейший.

Ялмар. Покуда у нее есть отец!.. Пока я не закрыл глаза!..

Стук во входную дверь.

Гина. Тсс, Экдал, кто-то пришел. (*Кричит.*) Войдите! Входит фру Сербю в верхней одежде.

Фру Сербю. Добрый вечер!

Гина (*идя ей навстречу*). Ах, это ты, Берта!..

Фру Сербю. Да, это я. Но, пожалуй, я не вовремя?

Ялмар. Помилуйте! Вестница из такого дома...

Фру Сербю (*Гине*). Откровенно говоря, я не рассчитывала застать дома твоих мужчин и завернула к тебе на минуточку поболтать и проститься.

Гина. Как?.. Ты уезжаешь?

Фру Сербю. Да, завтра, рано утром... в Горную долину. Господин

Верле отправился туда сегодня после обеда. (Мимоходом Грегерсу.) Могу передать вам поклон от него.

Гина. Нет, подумать!..

Ялмар. Так господин Верле уехал! И вы теперь за ним?

Фру Сербю. Да. Что вы на это скажете, Экдал?

Ялмар. Скажу: берегитесь!

Грегерс. Я тебе объясню, в чем дело. Отец мой женится на фру Сербю.

Ялмар. Женится на ней!

Гина. А! Ну, наконец-то, Берта!

Реллинг (*не совсем твердым голосом*). Ну, это все-таки не правда же?

Фру Сербю. Нет, милейший Реллинг, истинная правда.

Реллинг. Вы опять хотите выйти замуж?

Фру Сербю. Да, видно, этим кончится. Верле уж выправил все бумаги. Свадьбу сыграем тихую, там, на заводе.

Грегерс. Так позвольте мне, как доброму пасынку, пожелать вам счастья.

Фру Сербю. Благодарю вас, если вы это говорите серьезно. Я-то надеюсь, что в этом браке мы оба найдем свое счастье – и Верле и я.

Реллинг. Вполне можете надеяться. Коммерсант Верле никогда не напивается допьяна, насколько я знаю, и не имеет также привычки колотить своих жен, как покойный коновал.

Фру Сербю. Ах, оставьте мертвых в покое. И у Сербю были свои достоинства.

Реллинг. У коммерсанта Верле, я думаю, найдется их побольше.

Фру Сербю. Он, по крайней мере, не загубил в себе того, что было в нем лучшего. А тот, кто это делает, пусть на себя пеняет.

Реллинг. Закатимся же мы сегодня с Молвиком.

Фру Сербю. Не надо, Реллинг. Ну, пожалуйста, ради меня.

Реллинг. Другого ничего не остается. (*Ялмару.*) Пойдем и ты с нами.

Гина. Нет, уж Ялмар-то вам не товарищ в ваших карамболях!

Ялмар (*сердито, вполголоса*). Да помолчи ты!

Реллинг. Прощайте, фру... Верле! (*Уходит.*)

Грегерс (*фру Сербю*). Вы, как видно, довольно близко знакомы с доктором Реллингом?

Фру Сербю. Да, мы давнишние знакомые. Было время, когда у нас с ним могло дойти и... до серьезного.

Грегерс. Счастье ваше, пожалуй, что не дошло.

Фру Сербю. Еще бы. Но я всегда была осторожна, не поддавалась увлечениям. Женщине нельзя быть опрометчивой в таких делах.

Грегерс. А вы совсем, совсем не побаиваетесь, что я шепну отцу об этом старом знакомстве?..

Фру Сербю. Вы думаете, я сама давно не рассказала ему?

Грегерс. Вот как?

Фру Сербю. Ваш отец знает все до капельки, что только могут сказать про меня с некоторым основанием добрые люди. Я сама рассказала ему обо всем сейчас же, как только он дал мне понять свои намерения.

Грегерс. Значит, вы откровенны не в пример прочим.

Фру Сербю. Я всегда была откровенна. Это нам, женщинам, больше с руки.

Ялмар. Ты что на это скажешь, Гина?

Гина. Что ж, женщина женщине рознь. Одна так судит, другая по-иному.

Фру Сербю. Ну, Гина, по-моему, умнее всего поступать вот как я. И Верле, со своей стороны, не утаил от меня ничего насчет своего прошлого. Вот *это-то* больше всего нас и связало. Теперь он может разговаривать со мной обо всем, не таясь, чистосердечно, как ребенок. А этого-то ему никогда и не удавалось прежде. Он, такой цветущий мужчина, каким он был прежде, всю свою молодость, все лучшие свои годы только и слушал одни нотации. Да еще частенько без всякого настоящего повода... по одному подозрению, воображению... насколько мне известно.

Гина. Что правда, то правда.

Грегерс. Ну, если тут пойдут такие интимные разговоры, мне лучше уйти.

Фру Сербю. Оставайтесь себе, я больше ни слова не скажу. Мне хотелось только, чтобы вы знали, что я не прибегала ни к каким хитростям, ничего не скрывала. Со стороны может показаться, что мне невесть какое счастье выпало на долю. Так оно и есть, с одной стороны. Но я все-таки скажу, что получаю не больше, чем даю сама. Я, конечно, никогда не оставлю его. Буду беречь его и ходить за ним, как никому не сумеет теперь, когда он скоро станет совсем беспомощным.

Ялмар. Беспомощным?

Грегерс (*фру Сербю*). Да, да, только не надо говорить здесь об этом.

Фру Сербю. Все равно дела не скроешь, как он там ни старайся. Скоро ослепнет.

Ялмар (*пораженный*). Ослепнет? Как это странно. И он тоже ослепнет?

Гина. Мало ли кому приходится слепнуть. Фру Сербю. А ведь можно себе представить, каково это для делового человека. Ну, я и постараюсь

заменять ему глаза, насколько сумею... Но теперь мне пора. У меня теперь целая пропасть дел... Да, вот что мне надо было передать вам, Экдал. Если бы Верле мог чем-нибудь быть вам полезным, вам стоит обратиться к Гробергу.

Грегерс. За это предложение Ялмар Экдал вряд ли скажет спасибо...

Фру Сербю. Да? Однако прежде, мне кажется...

Гина. Да, Берта, теперь Экдалу не приходится одолжаться чем-нибудь у коммерсанта Верле.

Ялмар (*медленно, внушительно*). Передайте от меня поклон вашему будущему мужу и скажите, что я в ближайшем будущем намереваюсь побывать у бухгалтера Гроберга...

Грегерс. Как! И ты захочешь!..

Ялмар...у бухгалтера Гроберга, говорю я, и потребовать счет – сколько я должен коммерсанту. Я желаю уплатить этот долг чести!.. Ха-ха-ха! Именно – долг чести! Но довольно об этом. Я уплачу все с процентами. По пяти процентов.

Гина. Но, милый Экдал, это нам, ей-богу, не по карману.

Ялмар. Передайте вашему жениху, что я неустанно тружусь над своим изобретением. Скажите ему, что меня только и поддерживает в этой труднейшей работе желание свалить с себя мучительное бремя долга. Вот зачем я взялся за это изобретение. Весь доход пойдет на то, чтобы мне освободиться от долговых обязательств перед вашим будущим супругом.

Фру Сербю. Тут что-то произошло, как видно.

Ялмар. Именно.

Фру Сербю. Ну, так прощайте. Мне надо бы еще кое о чем поговорить с тобой, Гина. Но это уж в другой раз. Прощайте.

Ялмар и Грегерс молча кланяются ей, Гина идет проводить ее до дверей.

Ялмар. Не дальше порога, Гина!

Фру Сербю уходит. Гина закрывает за ней дверь.

Ну вот, Грегерс. Я развязался теперь с этим гнетущим долговым обязательством.

Грегерс. Во всяком случае, скоро развяжешься.

Ялмар. Полагаю, мое поведение можно назвать корректным.

Грегерс. Ты именно тот человек, за которого я тебя всегда считал.

Ялмар. В некоторых случаях невозможно поступиться идеальными требованиями. Как отцу и кормильцу семейства, мне придется круто. Как ты думаешь, шутка ли для человека неимущего погасить многолетний долг, который, так сказать, покрылся пылью забвения! Но что тут толковать, – человек во мне тоже предъявляет свои права.

Грегерс (*кладет руки ему на плечи*). Милый Ялмар... ну, не хорошо разве, что я явился?..

Ялмар. О да!

Грегерс. Не хорошо разве, что ты уяснил себе все эти отношения?

Ялмар (*с некоторым раздражением*). Да, конечно, хорошо. Одно вот только... чувство справедливости во мне возмущено.

Грегерс. Чем же?

Ялмар. Да вот... не знаю, могу ли я без всякого стеснения высказаться насчет твоего отца?

Грегерс. Пожалуйста, не стесняйся ради меня.

Ялмар. Ну, хорошо. Вот видишь ли, меня возмущает мысль, что осуществить идею истинного брака дано не мне, а ему.

Грегерс. Ну как же можно так говорить!

Ялмар. Да, конечно, оно так и выходит. Твой отец с Бертой Сербю вступают теперь как раз в такой брак, основанный на полном доверии и безусловной взаимной откровенности. Они друг друга не морочили, ничего не утаили друг от друга. Все ясно, открыто между ними, никаких недомолвок; объявлено, если можно так выразиться, полное взаимное отпущение грехов.

Грегерс. Ну, положим; что же из этого?

Ялмар. Да ведь в том-то вся и суть. Ведь тут, значит, как раз налицо все это сложное, трудное... что ты сам считаешь необходимым основанием истинного брака.

Грегерс. Но это же совсем в другом роде, Ялмар. Не станешь же ты сравнивать ни себя, ни жену свою с этой парочкой?.. Ну ты ведь меня понимаешь...

Ялмар. Я все-таки не могу отделаться от мысли, что в этом есть что-то такое, возмущающее во мне чувство справедливости. Выходит, как будто и нет на свете никакой высшей справедливости.

Грегерс. Фу, Экдал, не говори ты так, ради бога!

Ялмар. Гм... Не станем вдаваться в такие вопросы.

Грегерс. Но, с другой стороны, я как будто все-таки вижу направляющий перст судьбы. Верле ведь ослепнет.

Гина. Ну, это, пожалуй, еще не наверно.

Ялмар. Это вне сомнений. Во всяком случае, не нам в этом сомневаться.

Именно в этом факте и заключается справедливое возмездие. Он в свое время навел слепоту на доверчивого ближнего...

Греггерс. И не на одного, к сожалению, а на многих.

Ялмар. И вот теперь надвигается неумолимая, загадочная сила и требует собственные глаза коммерсанта.

Гина. Нет, как ты можешь говорить такие вещи! Просто страх берет слушать.

Ялмар. Иногда полезно углубляться в темные стороны бытия.

Хедвиг в шляпке и пальто весело, запыхавшись вбегает из входной двери.

Гина. Ты уже назад?

Хедвиг. Да, мне не хотелось больше гулять. И это было к лучшему – я встретила кого-то в воротах.

Ялмар. Верно, фру Сербю?

Хедвиг. Да.

Ялмар (*ходя по комнате взад и вперед*). Надеюсь, встретила с нею в последний раз.

Молчание.

Хедвиг (*боязливо переводит глаза с отца на мать и на Греггерса, словно стараясь разобраться в общем настроении, затем подходит к Ялмару; ласкаясь*). Папа!

Ялмар. Ну что, Хедвиг?

Хедвиг. Фру Сербю что-то принесла мне.

Ялмар (*останавливаясь*). Тебе?

Хедвиг. Подарок на завтра.

Гина. Берта всегда что-нибудь дарит тебе на рождение.

Ялмар. Какой же это подарок?

Хедвиг. Нет, на сегодня это секрет. А завтра утром мама должна положить мне это на постель.

Ялмар. Ах, опять эти секреты за моей спиной!

Хедвиг (*поспешно*). Да нет, посмотри, пожалуйста. Большое письмо. (*Вынимает из кармана пальто письмо.*)

Ялмар. И письмо еще?

Хедвиг. Да только и всего. Другое, верно, потом будет. Но ты представь – письмо! Я никогда еще не получала писем. И на нем написано: «фрекен»,

«фрекен Хедвиг Экдал». Подумай, это мне!

Ялмар. Дай взглянуть.

Хедвиг (*протягивает ему письмо*). Вот погляди.

Ялмар. Почерк коммерсанта Верле.

Гина. Верно ли, Экдал?

Ялмар. Сама взгляни.

Гина. Ну да, много я смыслю!

Ялмар. Хедвиг, можно мне вскрыть... и прочесть?

Хедвиг. Пожалуйста, если хочешь.

Гина. Нет, не сегодня, Ялмар. Ведь это на завтра.

Хедвиг (*тихо матери*). Ну дай же ему прочесть! Наверно, там что-нибудь хорошее, папа обрадуется, и опять у нас будет весело.

Ялмар. Значит, можно вскрыть?

Хедвиг. Пожалуйста, папа. Интересно, что там такое!

Ялмар. Хорошо. (*Вскрывает конверт, вынимает письмо, читает и, видимо, приходит в смущение.*) Да что же это такое?...

Гина. Что там написано?

Хедвиг. Да, папа, скажи скорее!

Ялмар. Погодите! (*Перечитывает письмо, бледнеет, но, сделав над собою усилие, говорит сравнительно спокойно.*) Это дарственная запись, Хедвиг.

Хедвиг. Подумай! Что же мне дарят?

Ялмар. Прочти сама.

Хедвиг идет к столу и читает возле лампы. (*Вполголоса, сжимая кулаки.*) Глаза! Глаза! И это письмо!

Хедвиг (*прерывая чтение*). Но, мне кажется, это дедушке?..

Ялмар (*берет у нее письмо*). Гина... тебе это понятно?

Гина. Да я же ничего не знаю. Скажи, в чем дело?

Ялмар. Коммерсант Верле пишет Хедвиг, что ее старому дедушке больше не нужно утруждать себя перепиской бумага, он будет с этих пор получать из конторы по сто крон в месяц...

Греггерс. Ага!..

Хедвиг. Сто крон, мама! Это и я прочла.

Гина. Что же, отлично для старика.

Ялмар. Сто крон, пока он будет в этом нуждаться, то есть пожизненно.

Гина. Ну, так теперь он обеспечен, бедняга.

Ялмар. А затем – самое главное. Ты, видно, не дочитала, Хедвиг. После смерти старика дар этот переходит к тебе.

Хедвиг. Ко мне? Все?

Ялмар. Он пишет, что тебе обеспечена та же самая пенсия на всю твою жизнь. Слышишь, Гина?

Гина. Слышу, слышу.

Хедвиг. Представь, я получу столько денег? (*Тормошит его.*) Папа, папа, да разве ты не рад?..

Ялмар (*уклоняясь от ее ласк*). Рад! (*Ходит по комнате.*) О, какие горизонты, какие перспективы открываются мне! Хедвиг!.. Это Хедвиг он так щедро обеспечивает!

Гина. Да ведь это ее рождение...

Хедвиг. Все равно, тебе же все достанется, папа. Ведь я же все буду отдавать тебе и маме.

Ялмар. Маме, да! Вот оно!

Грегерс. Ялмар, тебе расставляются сети.

Ялмар. Ты думаешь? Опять сети?

Грегерс. Вот что он сказал мне, когда был здесь сегодня утром: Ялмар Экдал не тот человек, за какого ты его принимаешь.

Ялмар. Не тот человек!..

Грегерс. И ты это увидишь, сказал он.

Ялмар. Да, увидишь, дам ли я зажать себе рот деньгами!

Хедвиг. Мама, что же это все значит?

Гина. Поди к себе и разденься.

Хедвиг, готовая заплакать, уходит в кухню.

Грегерс. Да, Ялмар, теперь-то и выяснится, кто из нас прав, он или я.

Ялмар (*медленно разрывает бумагу пополам, кладет обе половинки на стол и говорит*). Вот мой ответ.

Грегерс. Я этого ожидал.

Ялмар (*подходит к Гине, которая стоит у печки, и говорит глухим голосом*). А теперь никаких утаек больше. Если ты совершенно порвала с ним, когда... полюбила меня, как говоришь, то почему же он помог нам жениться?

Гина. Он, видимо, думал, что проторит дорожку и сюда в дом.

Ялмар. Только потому? Он не опасался известных последствий?

Гина. Я не понимаю, что ты говоришь.

Ялмар. Я хочу знать, имеет ли твой ребенок право жить под моей кровлей.

Гина (*вся выпрямляясь, со сверкающим взглядом*). И ты об этом спрашиваешь!

Ялмар. Ответь мне одно: моя ли дочь Хедвиг... или... Ну?

Гина (*смотрит на него с холодным упорством*). Не знаю.

Ялмар (*слегка дрожащим голосом*). Ты не знаешь?

Гина. Как я могу знать? Такая, как я...

Ялмар (*тихо, отвернувшись от нее*). Так мне больше нечего делать здесь в доме.

Грегерс. Подумай хорошенько, Ялмар!

Ялмар (*берет свое пальто*). Тут нечего больше думать такому человеку, как я.

Грегерс. Есть, много есть, о чем подумать. Вам надо тесно сплотиться всем троим, если ты хочешь подняться до высоты самоотвержения и всепрощения.

Ялмар. И подниматься не хочу! Никогда! Никогда! Где моя шляпа? (*Берет шляпу.*) Мой семейный очаг рухнул! (*Разражаясь слезами.*) Грегерс! У меня больше нет дочери!

Хедвиг (*открывает дверь из кухни*). Что ты говоришь? (*Бросаясь к нему.*) Папа! Папа!

Гина. Ну вот!

Ялмар. Не подходи ко мне, Хедвиг! Уйди! Я не могу глядеть на тебя! О, эти глаза!.. Прощай! (*Бежит к двери.*)

Хедвиг (*цепляясь за него с криком*). Нет! Нет! Не бросай меня!

Гина (*кричит*). Взгляни на девочку, Экдал! Взгляни на девочку!

Ялмар. Не хочу! Не могу! Пустите меня... прочь отсюда! (*Вырывается из рук Хедвиг и быстро уходит.*)

Хедвиг (*с блуждающим взглядом*). Он бросает нас, мама! Бросает нас. Он никогда не вернется к нам больше!

Гина. Только не плачь, Хедвиг! Папа вернется!

Хедвиг (*с рыданиями бросается на диван*). Нет, нет, он больше никогда не вернется к нам.

Грегерс. Верите ли вы, что я хотел устроить все к лучшему, фру Экдал?..

Гина. Может статься... Бог с вами!

Хедвиг (*лежа на диване*). О, мне кажется, я умру! Не вынесу этого! Что же я ему сделала? Мама, верни его, верни!

Гина. Да, да, да. Только успокойся, я пойду и поищу его. (*Надевает накидку.*) Может быть, он у Реллинга. Но ты не будешь валяться тут и реветь? Обещаешь?

Хедвиг (*судорожно рыдая*). Не буду, только бы он вернулся.

Грегерс (*Гине, которая собирается уйти*). Не лучше ли дать ему

сначала перестрадать все, вынести до конца эту тяжелую борьбу?

Гина. Успеет потом. Прежде всего надо успокоить девочку. (*Уходит.*)

Хедвиг (*садится и отирает глаза*). Теперь скажите мне, что случилось. Почему папа знать меня больше не хочет?

Грегерс. Вам пока не надо спрашивать об этом, пока не станете большой и взрослой.

Хедвиг (*всхлипывая*). Не могу же я так ужасно мучиться, пока не вырасту!.. Да я уж поняла, в чем дело... Может быть, я ненастоящая папина дочь.

Грегерс (*тревожно*). Как же это может быть?

Хедвиг. Может быть, мама нашла меня. И вот теперь, верно, папа узнал об этом. Я читала одну такую историю.

Грегерс. Ну, если бы и так...

Хедвиг. Так, по-моему, это не должно бы мешать папе любить меня по-прежнему. Пожалуй, даже больше. Дикую утку нам тоже прислали в подарок, а я все-таки ужасно люблю ее.

Грегерс (*стараясь отвлечь ее*). Да, дикая утка! Это правда! Потолкуем немножко насчет дикой утки, Хедвиг.

Хедвиг. Бедная дикая утка! Он и ее больше знать не хочет. Подумайте, он хотел свернуть ей шею!

Грегерс. Ну, этого он, наверное, не сделает.

Хедвиг. Да, но он так сказал. И это так нехорошо было с его стороны! Я каждый вечер молюсь за нее, чтобы она была жива и здорова.

Грегерс (*глядит на нее*). Вы молитесь по вечерам?

Хедвиг. Да-а.

Грегерс. Кто же вас приучил?

Хедвиг. Я сама. Один раз папа был очень болен, и ему поставили пиявки на шею. И он сказал, что сидит со смертью за плечами.

Грегерс. Ну?

Хедвиг. Я и стала молиться за него, ложась спать. С тех пор так и осталось.

Грегерс. А теперь молитесь и за дикую утку?

Хедвиг. Да, мне казалось, что лучше уж прихватить и ее. Она все хирела сначала.

Грегерс. Вы и по утрам молитесь?

Хедвиг. Нет, по утрам не молюсь.

Грегерс. Почему же?

Хедвиг. Утром ведь светло, ну, как-то и не страшно.

Грегерс. Так ваш отец хотел свернуть шею дикой утке, которую вы так

любите?

Хедвиг. Нет, он сказал, что это было бы самое лучшее, но что он пощадит ее ради меня. И это было так мило с его стороны.

Грегерс (*подвигаясь к ней*). Ну, а если бы вы добровольно пожертвовали ею ради него?

Хедвиг (*приподнимаясь*). Дикой уткой!

Грегерс. Если бы вы ради него пожертвовали добровольно лучшим своим сокровищем?

Хедвиг. Вы думаете, это помогло бы?

Грегерс. Попробуйте, Хедвиг.

Хедвиг (*тихо, с сияющими глазами*). Да, я попробую.

Грегерс. А вы думаете, у вас хватит духу?

Хедвиг. Я попрошу дедушку застрелить ее.

Грегерс. Ну, сделайте так. Но ни слова вашей матери!

Хедвиг. Почему?

Грегерс. Она не поймет вас.

Хедвиг. Дикая утка?.. Завтра же утром попробую.

Гина возвращается. Хедвиг бросается к ней.

Ты застала его, мама?

Гина. Нет. Но мне сказали, что он заходил к Реллингу и утащил его с собой.

Грегерс. Наверное?

Гина. Привратница сказала. И Молвик с ними отправился.

Грегерс. И это теперь, когда ему нужно было полное уединение для жестокой душевной борьбы!..

Гина (*снимая накидку*). Да, мужчины – мужчины и есть. Бог знает, куда затащит его Реллинг! Я забежала к мадам Эриксен, там их нет.

Хедвиг (*глота слезы*). А если он не вернется больше?

Грегерс. Вернется. Я сообщу ему завтра одну весточку, и тогда вы увидите, как он к вам вернется. Спите спокойно, Хедвиг. Доброй ночи! (*Уходит.*)

Хедвиг (*рыдая, бросается матери на шею*). Мама, мама!

Гина (*глядя ее по спине и вздыхая*). Ох, ох! Правду сказал Реллинг. Вот что выходит, когда всякие сумасброды суются тут со своими интриганскими требованиями.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Павильон Ялмара Экдала. Серое, холодное утро. Оконные стекла занесены мокрым снегом.

Гина, в переднике, выходит из кухни с метелкой и тряпкой и направляется в гостиную. В то же время из входной двери быстро входит Хедвиг.

Гина (*останавливаясь*). Ну?

Хедвиг. Знаешь, мама, он, кажется, у Реллинга.

Гина. Вот видишь!

Хедвиг. Привратница говорит, она слышала, что Реллинг ночью двоих притащил с собой.

Гина. Я так и думала.

Хедвиг. Но что толку из этого, если он не хочет вернуться к нам?

Гина. Ну, я хоть пойду поговорю с ним.

Старик Экдал, в халате и туфлях, с раскуренной трубкой выходит из дверей своей комнаты.

Экдал. Слушай, Ялмар... Ялмара нету дома?

Гина. Нет, кажется, ушел.

Экдал. В такую рань? И еще в такую метель? Ну что же, сделайте одолжение, я могу совершить утренний обход и один. (*Отодвигает с помощью Хедвиг одну половинку дверей на чердак и входит туда.*)

Хедвиг задвигает за ним дверь.

Хедвиг (*вполголоса*). Подумай, мама, что будет, когда бедный дедушка узнает, что папа собирается уехать от нас!

Гина. Полно вздор болтать. Дедушке и знать ничего не надо. Прямо счастье, что его вчера не было дома, когда поднялась тут эта кутерьма.

Хедвиг. Да, но...

Входит Греггерс.

Греггерс. Ну? Разыскали его?

Гина. Говорят, внизу у Реллинга.

Греггерс. У Реллинга! Так он правду ушел вчера с этими господами?

Гина. Должно быть, так.

Греггерс. Но ему, наоборот, нужно было уединение, чтобы серьезно

собраться с мыслями!.. Гина. Вам хорошо разговаривать.

Входит Реллинг.

Хедвиг (*бросаясь навстречу ему*). Папа у вас?

Гина (*одновременно*). У вас он?

Реллинг. Ну, конечно.

Хедвиг. И вы не дали нам знать!

Реллинг. Да; я – ска-атина. Но, во-первых, мне пришлось возиться с другой ска-атиной – с демонической натурой, разумеется; а во-вторых, я сам заспался.

Гина. Что Экдал говорит сегодня?

Реллинг. Да ничего не говорит.

Хедвиг. Совсем не разговаривает?

Реллинг. Ни гу-гу.

Греггерс. Да, да. Я это вполне понимаю.

Гина. Да что же он делает-то?

Реллинг. Лежит на диване и храпит.

Гина. Вот? Да, Экдал ужасно как храпит всегда.

Хедвиг. Он спит? Он может спать?

Реллинг. Ну да. И еще как, черт возьми!

Греггерс. Понятно, после такой душевной борьбы, которая измотала его.

Гина. Да, с непривычки шлаться по ночам.

Хедвиг. Пожалуй, это хорошо, что он выспится, мама.

Гина. И я то же думаю. Но тогда не следует тормозить его спозаранку.

Спасибо вам, Реллинг. Теперь я сначала приберу все, а там... Поди-ка пособи мне, Хедвиг.

Гина и Хедвиг уходят в гостиную.

Греггерс (*оборачиваясь к Реллину*). Можете вы объяснить мне, что происходит теперь в душе Ялмара Экдала?

Реллинг. Ей-богу, я не заметил, чтобы там что-нибудь происходило.

Греггерс. Как? При подобном переломе в его жизни, когда все существование его получает новые устои?.. Как вы можете допустить, чтобы такая личность, как Ялмар...

Реллинг. Личность?.. Он?.. Если в нем когда-то и были задатки для такой аномалии, как стать «личностью», по вашему выражению, то все эти корни и ростки давным-давно были задушены в нем полностью еще в детстве. В этом могу вас уверить.

Грегерс. Это было бы странно. Его воспитывали с такой любовью.

Реллинг. Это две-то взвинченные, истерические старые девы тетушки?

Грегерс. Я должен вам сказать, что это были женщины, которые никогда не забывали об идеальных требованиях. Ну да вы теперь, пожалуй, опять начнете зубоскалить.

Реллинг. Нет, я совсем не в таком настроении. Впрочем, я хорошо осведомлен насчет этого. Он таки немало извергал всякой риторики об этих своих «двух духовных матерях». Но я не думаю, чтобы ему было за что особенно благодарить их. Несчастье Экдала в том, что он всегда играл роль светила в своем кружке...

Грегерс. А он разве не таков? В смысле душевной глубины, хочу я сказать.

Реллинг. Что-то не замечал за ним ничего такого. И пусть бы еще отец считал его таким, куда бы ни шло: старый лейтенант всю жизнь прожил дурак-дураком.

Грегерс. Он всю жизнь прожил с детски-наивной душой. Да где вам понять это!

Реллинг. Ну и ладно! Но когда потом милейший душка Ялмар стал некоторым образом студентом, то он сразу прослыл в кругу товарищей будущим светилом. Что ж, он был красив, привлекателен – белый, румяный, кровь с молоком, такой, каких любят барышни-подростки. Затем эта легкая воспламеняемость его природы, задушевные нотки в голосе и уменье красиво декламировать чужие стихи и чужие мысли...

Грегерс (*возмущенно*). И вы это об Ялмаре Экдале! Реллинг. Да, с вашего позволения, таков внутренний облик того кумира, перед которым вы лежите на брюхе.

Грегерс. Не думаю, чтобы я мог быть настолько уж слеп.

Реллинг. О да, есть такой грех. Вы ведь тоже человек ненормальный, больной.

Грегерс. Относительно этого вы правы.

Реллинг. Конечно. И болезнь у вас сложная. Во-первых, у вас тяжелая форма горячки честности и затем, что еще хуже, вы одержимы манией преклонения. Вам все нужно кем-нибудь восхищаться, с чем-нибудь носиться, кроме ваших собственных дел.

Грегерс. Ну разумеется, достойный поклонения предмет мне приходится искать где-то вовне.

Реллинг. Но вы жестоко ошибаетесь в этих чудо-мухах, которые вам везде мерещатся. Вы опять забрались с вашими идеальными требованиями в дом простых смертных; тут живут люди несостоятельные.

Грегерс. Если вы столь невысокого мнения о Ялмаре Экдале, то как же вам доставляет удовольствие постоянно бывать в его обществе?

Реллинг. Господи боже мой! Я все-таки какой ни на есть доктор, и надо же мне позаботиться о бедных больных, с которыми я живу по одной лестнице.

Грегерс. Вот как! И Ялмар Экдал больной?

Реллинг. Здоровых людей почти не бывает, к сожалению.

Грегерс. И какое же лечение вы применяете к Ялмару?

Реллинг. Мое обычное. Я стараюсь поддержать в нем житейскую ложь.

Грегерс. Житейскую ложь? Я не ослышался?

Реллинг. Нет. Я сказал: «Житейскую ложь». Потому что, видите ли, это – стимулирующий принцип.

Грегерс. Можно спросить, что же это за житейская ложь, которой заражен Ялмар?

Реллинг. Нет, извините. Я не выдаю таких тайн знахарям. Вы способны еще пуще искалечить его; мой же метод лечения радикален. Я применяю его и к Молвику. Его я сделал «демонической натурой». Это фонтанель, которую я открыл ему на шее.

Грегерс. Так он не в самом деле демоническая натура?

Реллинг. Да что такое, черт возьми, значит «демоническая натура»? Ведь это одна ерунда, моя же выдумка, чтобы ему жилось полегче. Без того эта жалкая, вполне приличная свинья давным-давно погибла бы под бременем отчаяния и презрения к себе самому. А старый лейтенант? Но этот, впрочем, сам напал на верное лечение...

Грегерс. Лейтенант Экдал? У него что?

Реллинг. Да что вы скажете: он – старый охотник, медвежатник бродит теперь по чердаку и стреляет кроликов! И на свете нет охотника счастливее его, когда он возится там со всей этой дрянью. Пять-шесть сухих елок, которые он припрятал с рождества, заменяют ему лесной простор. Петух и куры – для него глухари, гнездящиеся на верхушках сосен, а ковыляющие по полу чердака кролики – медведи, с которыми воюет этот старец, привыкший к вольным просторам.

Грегерс. Бедный старый лейтенант! Да, ему таки пришлось посбавить цену со своих старых юношеских идеалов!

Реллинг. Пока не забыл, господин Верле младший: не прибегайте вы к иностранному слову – идеалы. У нас есть хорошее родное слово: ложь.

Грегерс. По-вашему, эти два понятия однородны?

Реллинг. Да, почти – как тиф и гнилая горячка.

Грегерс. Доктор Реллинг, я не сдамся, пока не вырву Ялмара из ваших

когтей!

Реллинг. Тем хуже будет для него. Отнимите у среднего человека житейскую ложь, вы отнимете у него и счастье. (*К Хедвиг, которая выходит из гостиной.*) Ну, маленькая утиная мамаша, теперь я спущусь вниз поглядеть, все ли еще папаша изволит возлежать и ломать себе голову над замечательным изобретением. (*Уходит.*)

Грегерс (*подходит к Хедвиг*). Я вижу по вашему лицу, что дело еще не сделано.

Хедвиг. Какое? Ах, насчет дикой утки? Нет.

Грегерс. Видно, духа не хватило, когда дошло до дела.

Хедвиг. Нет, вовсе не то. Когда я проснулась сегодня утром и вспомнила, о чем мы говорили вчера, мне показалось это так странно.

Грегерс. Странно?

Хедвиг. Да... я сама не знаю. Вчера вечером мне казалось, что это будет так чудесно. А сегодня, когда я проснулась и вспомнила, мне показалось, что в этом нет ничего такого.

Грегерс. Ну еще бы! Недаром вы выросли в такой обстановке. И в вас уже многое заглохло.

Хедвиг. Ну, это мне все равно. Только бы папа вернулся...

Грегерс. Ах, если бы у вас открылись глаза на то, что придает истинную цену жизни! Если бы в вас был настоящий, здоровый и мужественный, готовый на жертвы дух, вы бы увидели, каким он вернулся бы к вам. Но я еще не теряю веры в вас, Хедвиг. (*Уходит.*)

Хедвиг бродит по комнате, затем направляется к кухонным дверям. В это время раздается стук в двери чердака. Хедвиг идет и чуть-чуть отодвигает дверь. Старик Экдал выходит, и Хедвиг снова задвигает дверь.

Экдал. Гм... мало удовольствия от такого утреннего обхода в одиночку.

Хедвиг. Тебе не захотелось поохотиться сегодня, дедушка?

Экдал. Не такая погода сегодня. Темень, в двух шагах ничего не видно.

Хедвиг. А тебе никогда не хочется пострелять что-нибудь, кроме кроликов?

Экдал. А чем плохи кролики? А?

Хедвиг. Нет, а, например, дикую утку?..

Экдал. Хо-хо! Боится, как бы я не застрелил ее дикую утку! Никогда в жизни, слышишь? Никогда!

Хедвиг. Да ты, пожалуй, и не сумел бы. Их, говорят, трудно стрелять,

этих диких уток.

Экдал. Не сумел бы? Как бы не так!

Хедвиг. Но как же бы ты стал стрелять, дедушка? Не в мою дикую утку, а в других?

Экдал. Надо в грудь целить, понимаешь? И против пера, а не по перу – понимаешь?

Хедвиг. Тогда наповал, дедушка?

Экдал. Ну да, наповал, если умеешь стрелять. Гм... Теперь, пожалуй, пора мне и приодеться. Гм... Понимаешь, гм... (*Уходит к себе.*)

Хедвиг выжидает немного, косится на дверь гостиной, подходит к полкам, привстает на цыпочки, достает с верхней полки пистолет и рассматривает его.

Гина выходит из гостиной с метелкой и тряпкой.

Хедвиг быстро и незаметно кладет пистолет на одну из полок.

Гина. Не ройся в папиных вещах, Хедвиг.

Хедвиг (*отходя от полок*). Я только прибрать хотела.

Гина. Ступай лучше в кухню и погляди, чтобы кофей не простыл. Хочу захватить с собой на подносе, когда опущусь вниз.

Хедвиг уходит в кухню. Гина начинает подметать пол и прибираться комнате.

Несколько минут спустя входная дверь медленно отворяется, и из нее выглядывает Ялмар Экдал. На нем пальто внакидку, но нет шляпы; он неумыт, непричесан, глаза заспанные, тусклые.

Гина (*застывает с метелкой в руке, глядя на мужа*). Ах, Экдал... ты все-таки пришел?

Ялмар (*входит и отвечает глухим голосом*). Пришел... чтобы тотчас исчезнуть.

Гина. Ну да, да, понятно. Но, господи Иисусе, на кого ты похож?

Ялмар. На кого похож?

Гина. И твое хорошее зимнее пальто! Досталось же ему!

Хедвиг (*в дверях кухни*). Мама, не надо ли... (*Увидев Ялмара, вскрикивает от радости и бежит к нему.*) Папа! Папа!

Ялмар (*отворачивается и машет рукой*). Прочь, прочь! (*Гине.*) Убери ее прочь от меня, говорят тебе!

Гина (*вполголоса Хедвиг*). Поди в гостиную, Хедвиг.

Хедвиг тихо уходит.

Ялмар (*суетливо выдвигая ящик стола*). Мне нужно взять с собой книги. Где мои книги?

Гина. Какие?

Ялмар. Мои научные сочинения, разумеется... технические журналы, которые нужны для моей работы над изобретением.

Гина (*ищет на полках*). Эти, что ли, без переплетов?

Ялмар. Ну да, конечно.

Гина (*кладет на стол кипу журнальных выпусков*). Не велеть ли Хедвиг разрезать тебе листы?

Ялмар. Незачем мне их разрезывать.

Короткая пауза.

Гина. Значит, стоишь на том, чтобы переехать от нас, Экдал?

Ялмар (*перебирая книги*). Мне кажется, это само собой разумеется...

Гина. Да, да.

Ялмар (*вспылив*). Не могу же я оставаться тут, где мне ежеминутно будут вонзать нож в сердце!

Гина. Бог тебе судья, что ты можешь думать обо мне так гадко.

Ялмар. Докажи!

Гина. Скорее ты докажи.

Ялмар. После такого прошлого, как у тебя? Нет, есть известные требования... я готов назвать их идеальными требованиями...

Гина. А дедушка? Что с ним будет, с беднягой?

Ялмар. Я знаю свой долг. Беспомощный старец переедет со мной. Я отправлюсь в город, распоряжусь... Гм... (*Жметя.*) Никто не находил моей шляпы на лестнице?

Гина. Нет. Ты шляпу потерял?

Ялмар. Она, разумеется, была на мне, когда я вернулся ночью. Без всякого сомнения. А сегодня я не мог отыскать ее.

Гина. Господи Иисусе, и где только тебя носило с этими пьянчугами?

Ялмар. Не приставай ко мне с пустяками. Ты думаешь, я в таком настроении, чтобы помнить всякие мелочи?

Гина. Только бы ты не простудился, Экдал. (*Уходит в кухню.*)

Ялмар (*говорит сам с собой вполголоса, озлобленно опоражнивая ящик стола*). Негодяй этот Реллинг! Плут! Гнусный совратитель!.. Найти бы

кого-нибудь, кто подстрелил бы тебя из-за угла! (Откладывает в сторону несколько старых писем, находит разорванную накануне пополам бумажку, складывает обе половинки вместе и смотрит на них. Входит Гина. Он быстро откладывает их в сторону.)

Гина (ставит на стол поднос с кофейным прибором). Вот глоток горяченького не хочешь ли... бутерброды и немножко соленького...

Ялмар (косясь на поднос). Соленького?.. Ни куска больше под этой кровлей! Правда, у меня во рту не было ничего существенного вот уж целые сутки, но это безразлично... Мои заметки! Мои начатые воспоминания! Куда девался мой дневник и все мои важные бумаги? (Открывает дверь в гостиную, но тотчас же отступает.) И там она!

Гина. Господи боже, надо же девочке где-нибудь быть!

Ялмар. Уйди! (Дает место; Хедвиг робко проходит в павильон, а он, держась за ручку двери, говорит Гине.) Нельзя ли хоть в эти последние минуты, которые я провожу в бывшем моем доме, избавить меня от присутствия чужих лиц? (Уходит в гостиную.)

Хедвиг (бросаясь к матери, спрашивает тихим, дрожащим голосом). Это он про меня?

Гина. Побудь пока в кухне, Хедвиг. Или нет, лучше ступай в свою каморку. (Отворяет дверь в гостиную и говорит.) Постой, Экдал, не ройся в комод, я знаю, где все лежит. (Уходит в гостиную.)

Хедвиг (испуганная, растерянная, стоит с минуту, застыв на месте и кусая губы, чтобы не расплакаться, потом судорожно ломает руки и тихо говорит). Дикая утка! (Прокрадывается к полкам, достает пистолет, чуть отодвигает одну половину дверей на чердак, проскальзывает туда и задвигает за собой дверь.)

Из гостиной слышится спор между Ялмаром и Гиной.

Ялмар (выходит, держа в руках несколько старых тетрадок и разрозненных листков, которые затем кладет на стол). А куда годится такой саквояж? Тут тысяча вещей, которые надо захватить!

Гина (выходя вслед за ним с саквояжем в руках). Да ты оставь пока все остальное тут, Экдал. Возьми только рубашку да пару кальсон.

Ялмар. Уф! Эти утомительные сборы!.. (Снимает с себя пальто и бросает его на диван.)

Гина, А кофей-то остынет.

Ялмар. Гм... (Машинально отпивает глоток, потом еще.)

Гина (вытирая спинки стульев). Всего труднее будет тебе отыскать

такой большой чердак для кроликов.

Ялмар. Что? Стану я еще таскать за собой кроликов?

Гина. А как же? Дедушка не может обходиться без кроликов.

Ялмар. Придется привыкнуть. Мне приходится отказаться и не от таких благ жизни, как кролики.

Гина (*стирая пыль с полок*). А флейту тоже положить тебе в саквояж?

Ялмар. Нет. Не надо мне флейты. А вот дай мне пистолет.

Гина. С собой хочешь взять?

Ялмар. Да, мой заряженный пистолет.

Гина (*ищет его*). Нету его. Верно, старик взял его с собой туда.

Ялмар. Он на чердаке?

Гина. Наверно, там.

Ялмар. Гм... одинокий старец! (*Берет бутерброд, ест и запивает кофе.*)

Гина. Если бы мы не сдали ту комнату, ты мог бы перебраться туда.

Ялмар. Чтоб я остался под одной кровлей?.. Никогда! Никогда!

Гина. А то не перебраться ли тебе на день, на два в гостиную? Там бы тебе никто не мешал.

Ялмар. Никогда. В этих стенах!..

Гина. Ну, так вниз, к Реллингу с Молвиком?

Ялмар. Не произноси этих имен! Стоит мне вспомнить о них, кусок не идет в горло. Нет, видно, придется мне в бурю и в снегопад стучаться из двери в дверь, ища, где бы нам со стариком отцом преклонить наши головы.

Гина. Куда же ты пойдешь без шляпы, Экдал? Шляпы-то ведь нет.

Ялмар. О, эти два негодяя, вместилище всех пороков! Шляпу, конечно, нужно достать. (*Берет второй бутерброд.*) Надо принять меры. Я еще не собираюсь совсем проститься с жизнью. (*Ищет что-то на подносе.*)

Гина. Что ты ищешь?

Ялмар. Масло.

Гина. Масло – сейчас подам. (*Уходит в кухню.*)

Ялмар (*кричит ей вслед*). Да не хлопочи! Я могу обойтись и коркой черствого хлеба.

Гина (*приносит масленку*). На вот. Свеженькое. (*Наливает ему вторую чашку кофе.*)

Ялмар садится на диван, намазывает еще масла на бутерброд, ест и пьет некоторое время молча.

Ялмар. Мог бы я... без всяких притязаний... со стороны кого бы то ни было прожить там, в гостинной день, другой?

Гина. Да прелестно, если только хочешь.

Ялмар. Потому что я не вижу никакой возможности собрать в таких попытках все отцовские вещи.

Гина. Да и надо ведь сперва сказать ему, что ты больше не хочешь оставаться жить с нами.

Ялмар (*отодвигая от себя чашку*). Да, и это тоже. Снова заводить всю эту канитель! Мне нужно собраться с мыслями... вздохнуть немножко... Не могу же я взвалить себе на плечи все зараз в один день.

Гина. Да еще в такую погоду. Так и метет.

Ялмар (*перекладывает письмо коммерсанта Верле*). Бумага, как вижу, все еще валяется тут.

Гина. Я ее и не трогала.

Ялмар. Меня эта бумажка, конечно, не касается.

Гина. Да и я не собираюсь ею пользоваться.

Ялмар. А все-таки нельзя, чтобы она пропала в этой суматохе... когда я начну переезжать...

Гина. Нет, уж я приберу, Экдал.

Ялмар. Дар принадлежит прежде всего отцу, и его дело решить, хочет он принять или нет.

Гина (*вздыхает*). Да, бедный старик...

Ялмар. На всякий случай... Где бы взять клею?

Гина (*идет к полкам*). Вот тут целая банка.

Ялмар. И кисточку.

Гина. И кисточка тут. (*Подает ему то и другое.*)

Ялмар (*берет ножницы*). Подклеить бумажкой... (*Режет и клеит.*) Я далек от мысли наложить руку на чужое добро... тем паче на добро неимущего старца... да и кого другого. Ну вот. Пусть полежит пока. Потом, как подсохнет, убери. Я видеть больше не хочу этого документа. Никогда!

Греггерс (*входит, с некоторым удивлением*). Что?.. Ты тут сидишь, Ялмар?

Ялмар (*вскакивая*). Просто свалился от изнеможения.

Греггерс. Однако завтракал, как вижу.

Ялмар. Тело тоже предъявляет иногда свои требования.

Греггерс. На чем же ты порешил?

Ялмар. Для такого человека, как я, может быть лишь одно решение. Я как раз был занят сейчас сбором самых необходимых вещей. Но на это нужно время, сам понимаешь.

Гина (*начинает терять терпение*). Так что же, гостиную тебе приготовить или укладывать саквояж?

Ялмар (*бросив сердитый взгляд на Грегера*). Укладывай... и приготовь.

Гина (*берет саквояж*). Ну ладно. Так я уложу рубашку и прочее. (*Уходит в гостиную и затворяет за собой дверь.*)

Грегера (*после небольшой паузы*). Вот не думал я, что этим кончится. В самом деле необходимо тебе уходить из дому и от семьи?

Ялмар (*беспокойно бродит по комнате*). Что же, по-твоему, мне делать?.. Я не создан быть несчастным, Грегера. Мне нужна хорошая, спокойная, мирная обстановка.

Грегера. Да почему же тебе и не иметь ее? Попробуй только. По-моему, теперь-то тебе как раз есть на чем построить... начать жизнь сызнова. Не забывай также, у тебя есть цель жизни – твоё изобретение.

Ялмар. Ах, не говори ты мне об изобретении. Его, пожалуй, не скоро дождешься!

Грегера. Как?

Ялмар. Ну да, господи боже мой, каких еще изобретений тебе от меня нужно? Почти все уже изобретено другими до меня. Со дня на день все труднее придумать что-нибудь новое...

Грегера. Да ведь ты столько уже потратил труда на это.

Ялмар. О, это все беспутный Реллинг меня подбивал!

Грегера. Реллинг?

Ялмар. Ну да. Он первый указал мне, что я способен сделать какое-нибудь замечательное изобретение по фотографии.

Грегера. Ага!.. Так это Реллинг!

Ялмар. И я был так счастлив всей душой, меня это так радовало... не столько изобретение само по себе, а то, что Хедвиг так верила в него... верила со всей силой и искренностью детской души... то есть я, глупец, воображал, что она верит.

Грегера. Неужели ты допускаешь, что Хедвиг могла лукавить с тобой?

Ялмар. Ах, я теперь готов допускать все, что угодно. Именно Хедвиг стоит поперек дороги. Она застилает мне теперь солнце жизни.

Грегера. Хедвиг? Это ты о ней говоришь? Чем же она может мешать тебе?

Ялмар (*не отвечая на вопрос*). Я без памяти любил этого ребенка. Я был так невыразимо счастлив, когда, бывало, возвращался домой, в свой бедный угол, и она бежала мне навстречу, щуря свои милые глазки. Ах я, легковверный глупец! Я так невыразимо любил ее... и тешил себя

фантазией, что и она платит мне такую же любовью.

Грегерс. Да разве это, по-твоему, была одна фантазия?

Ялмар. Почему я знаю? От Гины я добиться ничего не могу. Ей и не понять идеальной стороны этого сложного вопроса. Но перед тобой я чувствую потребность излить свою душу, Грегерс. Меня преследует ужасное сомнение... Пожалуй, Хедвиг никогда искренне не любила меня.

Грегерс. Быть может, тебе будет дано ясное доказательство... (Прислушиваясь.) Что это? Как будто утка кричит?

Ялмар. Крякает. Отец на чердаке.

Грегерс. Ах, он там! (Просветлев.) Повторяю, тебе будет дано ясное доказательство, что бедная, отвергнутая девочка любит тебя!

Ялмар. Какие там она может дать мне доказательства! Я не смею больше верить никаким уверениям с той стороны.

Грегерс. Хедвиг, без сомнения, чужда обмана.

Ялмар. Ах, Грегерс, в *этом-то* я как раз и не уверен. Кто знает, о чем, бывало, шушукались тут Гина и эта фру Сербю. А у Хедвиг всегда ушки на макушке. Пожалуй, и дарственная запись эта явилась вовсе не так неожиданно-негаданно. Я как будто что-то такое замечал.

Грегерс. Что за дух в тебя вселился!

Ялмар. У меня глаза открылись. Увидишь, эта дарственная запись – только начало. Фру Сербю всегда особенно жаловала Хедвиг, а теперь она и подавно в состоянии сделать для девочки все, что угодно. Они могут отобрать ее у меня, когда вздумают.

Грегерс. Ни за что на свете. Хедвиг не уйдет от тебя.

Ялмар. Не будь так уверен. Если они насулят ей там всяких благ?.. А я-то без памяти любил ее! Я видел высшее свое счастье в том, чтобы бережно провести ее за руку через всю жизнь, как ведут боящегося темноты ребенка через большую пустую комнату!.. И теперь я так мучительно уверен, что бедный фотограф, ютящийся на чердаке, никогда не пользовался безраздельно ее детской любовью. Она попросту вкралась ему в душу, старалась ладить с ним, пока что.

Грегерс. Ты и сам этому не веришь, Ялмар.

Ялмар. Весь ужас в том, что я не знаю, чему верить... и никогда не узнаю. Да и у тебя-то есть ли основания сомневаться в том, что я говорю? Хо-хо! Ты слишком уповаешь на свои идеальные требования, Грегерс! А если те придут к ней... с полными руками... и крикнут девочке: брось его, у нас ждет тебя настоящая жизнь...

Грегерс (быстро). Ну и что же, по-твоему?

Ялмар. А я бы задал ей вопрос: Хедвиг, согласна ли ты отказаться от

этой жизни ради меня? *(С ироническим смехом.)* «Благодарю покорно», – вот что она бы ответила!

На чердаке раздается выстрел.

Грегерс *(громко, радостно)*. Ялмар!

Ялмар. Ну вот! Опять он охотится.

Гина *(входит)*. Ох, Экдал. Опять, кажется, дедушка один палит там.

Ялмар. Я посмотрю...

Грегерс *(в радостном волнении)*. Постой! Знаешь ты, что это было?

Ялмар. Конечно, знаю.

Грегерс. Нет, не знаешь. А я знаю. Это было доказательство.

Ялмар. Какое доказательство?

Грегерс. Детская жертва. Хедвиг уговорила твоего отца застрелить дикую утку!

Гина. Да неужто?..

Ялмар. К чему же это?

Грегерс. Она хотела пожертвовать ради тебя лучшим своим сокровищем и тем вернуть себе твою любовь.

Ялмар *(мягко, растроганно)*. Ах, девчурка...

Гина. Чего она не придумает!

Грегерс. Она только и думала, как бы вернуть твою любовь, Ялмар. Ей казалось, что она жить без нее не может.

Гина *(с трудом удерживая слезы)*. Сам теперь видишь, Экдал?

Ялмар. Гина, где она?

Гина *(всхлипывая)*. Бедняжка... верно, в кухню забилась.

Ялмар *(идет и распаивает кухонную дверь)*. Хедвиг! Иди сюда! Иди ко мне! *(Заглядывает в кухню.)* Да ее здесь нет.

Гина. Так в своей каморке, верно.

Ялмар *(из другой комнаты)*. И там нет. *(Возвращается в павильон.)* Ушла, что ли?

Гина. Да ты же не давал ей нигде приткнуться.

Ялмар. Ах, скорее бы она вернулась, чтоб я хорошенько мог сказать ей!..

Ну, теперь опять все будет хорошо, Грегерс. Теперь я верю, что мы можем начать новую жизнь.

Грегерс *(тихо)*. Я это знал. Возрождение должно было совершиться через ребенка.

Старик Экдал выходит из своей комнаты в полной парадной форме, стараясь прицепить саблю.

Ялмар (*пораженный*). Отец? Ты тут?!

Гина. Вы, значит, в комнате стреляли?

Экдал (*сердито*). Так ты уж один стал ходить на охоту, Ялмар?

Ялмар (*напряженно, в смятении*). Так это не ты стрелял на чердаке?

Экдал. Я стрелял? Гм!..

Греггерс (*кричит Ялмару*). Значит, она сама застрелила дикую утку!

Ялмар. Что же это такое! (*Бросается к дверям, раздвигает их, заглядывает на чердак и вскрикивает.*) Хедвиг!

Гина (*тоже бежит к дверям*). Господи, что это!

Ялмар (*входит на чердак*). Она лежит на полу!

Греггерс. Хедвиг лежит?! (*Бросается за Ялмаром.*)

Гина (*одновременно*). Хедвиг! (*Тоже кидается на чердак.*) Нет, нет, нет!

Экдал. Хо-хо! И она туда же – охотиться?

Ялмар, Гина и Греггерс выносят Хедвиг, в бессильно повисшей правой руке ее зажат пистолет.

Ялмар (*в полном смятении*). Пистолет разрядился. Она попала в себя. Зовите на помощь. На помощь!

Гина (*выбегает из входных дверей и кричит вниз*). Реллинг! Реллинг! Доктор Реллинг! Бегите к нам! Как можно скорее!

Ялмар и Греггерс кладут Хедвиг на диван.

Экдал (*тихо*). Лес мстит.

Ялмар (*на коленях перед Хедвиг*). Она сейчас очнется. Сейчас очнется... да, да...

Гина (*возвращаясь*). Куда она попала? Я ничего не вижу.

Вбегает Реллинг и вслед за ним Молвик; последний во фраке, но без жилета и без галстука.

Реллинг. Что тут стряслось?

Гина. Они говорят, Хедвиг застрелилась.

Ялмар. Сюда! Помогите!

Реллинг. Застрелилась! (*Отодвигает стол и начинает осматривать Хедвиг.*)

Ялмар (*на коленях, со страхом следя за ним.*) Ведь не опасно же? Нет, Реллинг? И крови почти нет. Ведь не опасно же?

Реллинг. Как это вышло?

Ялмар. Ах, ничего я не знаю!..

Гина. Она хотела застрелить дикую утку.

Реллинг. Дикую утку?

Ялмар. Должно быть, пистолет разрядился.

Реллинг. Гм... Так.

Экдал. Лес мстит. Но я все же не боюсь. (*Уходит на чердак и затворяет за собой дверь.*)

Ялмар. Ну, Реллинг... что же ты молчишь?

Реллинг. Пуля попала в грудь.

Ялмар. Но ведь она оправится?..

Реллинг. Ты же видишь – она мертва.

Гина (*разражаясь рыданиями*). Девочка моя, девочка!..

Греггерс (*хрипло*). В пучине морской...

Ялмар (*вскакивая*). Нет! Нет! Она должна жить! Реллинг... ради бога... хоть на минутку... хоть на секунду, чтоб я успел сказать ей, как безумно я любил ее всегда!

Реллинг. Прямо в сердце. Внутреннее кровоизлияние. Мгновенная смерть.

Ялмар. А я гнал ее от себя, как дикого зверя! И она забилась на чердак и умерла из любви ко мне! (*Рыдая.*) Никогда не поправит этого! Не сказать ей!.. (*Заламывая руки, кричит вверх.*) О, ты там!.. Если ты есть!.. Зачем ты допустил это?

Гина. Полно, полно, нельзя так богохульствовать! Верно, мы были недостойны, чтобы она оставалась с нами. Молвик. Девочка не умерла, а спит.

Реллинг. Вздор!

Ялмар (*стихает, подходит к дивану и, скрестив руки, смотрит на Хедвиг*). Вот она лежит, такая тихая, неподвижная!..

Реллинг (*пытаясь высвободить пистолет*). Нет, как крепко...

Гина. Оставьте, Реллинг, не ломайте ей пальцы. Оставьте ей левольвер.

Ялмар. Пусть унесет с собой в могилу.

Гина. Да, пусть. Но нельзя же девочке лежать тут напоказ. Надо снести ее к ней в каморку. Берись, Экдал.

Ялмар и Гина берут Хедвиг.

Ялмар. О Гина! Гина! И ты снесешь это!

Гина. Поможем друг другу. Теперь нам нечего делить ее.

Молвик (*протирая руки, бормочет*). Хвала всевышнему! От земли взята еси – и в землю отыдешь...

Реллинг (*шепотом*). Заткни глотку, – ты пьян.

Ялмар и Гина уносят тело в кухню. Реллинг затворяет за ними дверь.

Молвик пробирается к выходу.

Реллинг (*подходя к Грегерсу*). Ну, уж меня-то никто не уверит, что это нечаянно.

Грегерс (*стоявший все время вне себя от ужаса, весь передергивается*). Никто не может сказать, как это вышло! Ужасно!

Реллинг. Выстрелом опалило платье. Она, значит, приставила пистолет к самой груди и спустила курок.

Грегерс. Хедвиг умерла не напрасно. Видели вы, какое душевное величие проявил он в горе?

Реллинг. В минуту горя, у смертного одра многие проявляют душевное величие. Но надолго ли, по-вашему, хватит у Ялмара этого величия?

Грегерс. Неужели оно не сохранится у него и не будет расти всю жизнь?

Реллинг. Не пройдет и трех четвертей года, как бедняжка Хедвиг станет для него только красивой темой для декламации.

Грегерс. И вы смеете так говорить о Ялмаре Экдале!

Реллинг. Мы поговорим об этом, когда на могиле Хедвиг завянет первая трава. Тогда вы услышите, как он будет пережевывать жвачку, говоря о «безвременно отторгнутом от отцовского сердца ребенке». Увидите, как будет таять от умиления, самовосхищения, самосострадания. Увидите!

Грегерс. Если вы правы, а я ошибся, то – жить не стоит.

Реллинг. О, жизнь могла бы еще быть довольно сносной, если бы только оставили нас в покое эти благословенные кредиторы, которые обивают у нас, бедных смертных, пороги, предъявляя к нам идеальные требования.

Грегерс (*глядя перед собой в пространство*). В таком случае я рад своему назначению.

Реллинг. Позвольте спросить, что это за назначение?

Греггерс (уходя). Тринадцатого за столом.
Реллинг (*вслед за ним*). Черта с два! Так вам и поверят!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)